ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАСЕЛЕНІИ АМУРА

въ 1857—1858 гг.

I.

23-го апрѣля 1857 года, послѣ тягостной дороги въ 5,100 верстъ, то въ саняхъ, то въ перекладной телѣгѣ, то даже пѣшкомъ, во избѣжаніе разрушительныхъ толчковъ отъ удара колесъ по мерзлому, ледяному черепу, я наконецъ добрался до Иркутска. День былъ табельный—имянины покойной императрицы Александры Ѳедоровны, и потому я думалъ-было сначала не являться властямъ; но, чтобы не скучать, надѣлъ мундиръ и въ то же утро представился ближайшимъ своимъ начальникамъ по штабу. Нимало не откладывая, т. е. въ тотъ же табельный день, мнѣ поручили поспѣшить составленіемъ карты Маньчжуріи и восточной Монголіи, въ масштабѣ 50-ти верстъ въ дюймѣ, и при этомъ потребовали, что бы карта была готова въ двухъ экземплярахъ не далѣе, какъ черезъ три недѣли, къ предполагавшемуся отъѣзду генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева на Амуръ и посланника гр. Е. В. Путятина въ Китай. Работа была не легкая, требовавшая занятій отъ 12-ти до 14-ти часовъ въ сутки и совершенно неисполнимая, если бы въ Иркутскѣ не было партіи отличныхъ топографовъ, обязанныхъ своимъ техническимъ образованіемъ А. И. Заборинскому и Г. И. Щечилину. Мы, въ числѣ девяти человѣкъ, присѣли и дѣло сдѣлали. Я составилъ сѣть, разставилъ астрономическіе пункты, начертилъ главные контуры; топографы перечерчивали ихъ на-бѣло, вносили мелочи, отмывали кисточкой горы съ данныхъ оригиналовъ и дѣлали подписи, придерживаясь сдѣланной мной транскрипціи французскихъ подписей Дюгальда. Любопытно, что въ Иркутскѣ въ это время не было ни одного синолога, которому бы можно было поручить испра-

вленіе орѳографіи этихъ подписей, нѣсколько испорченныхъ на французскомъ языкѣ. Что было можно, мы поправили сами, на основаніи сочиненій Іакинфа, хотя знали, что и его транскрипція оспаривалась нѣкоторыми европейскими оріенталистами.

Въ началѣ мая вернулся въ Иркутскъ Н. Н. Муравьевъ, бывшій до того времени въ Кяхтѣ для устройства отъѣзда графа Путятина въ Китай. Предполагалось, что посолъ поѣдетъ въ Пекинъ черезъ Монголію и, въ то время какъ генералъ-губернаторъ лично займется фактическимъ занятіемъ Амура, устроитъ дипломатическое его присоединеніе. Но въ Иркутскѣ успѣху послѣдней миссіи не вѣрили. Китайцы, еще не прученные тогда англичанами и французами, относились къ европейскимъ посольствамъ недовѣрчиво и съ надменностью. Графу Путятину было трудно добиться переѣзда черезъ Монголію на такихъ условіяхъ, которыя бы соотвѣтствовали его сану и обезпечивали ему блестящій пріемъ и успѣхъ самаго дѣла въ Пекинѣ. При возвращеніи Н. Н. Муравьева въ Иркутскъ, мы узнали, что посолъ вовсе долженъ былъ отказаться отъ сухопутной поѣздки въ столицу Срединнаго царства, потому что китайское правительство хотѣло относиться къ нему почти такъ же, какъ, въ 1805 году, къ графу Головкину. Послѣдній же, едва доѣхавъ до Урги, былъ такъ утомленъ назойливою подозрительностью и надменностью китайцевъ, что счелъ необходимымъ вернуться въ Россію.

Въ Иркутскѣ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, неуспѣхомъ путятинскаго посольства были довольны. Тамошнее общество, все почти составленное изъ лицъ такъ или иначе принимавшихъ участіе въ дѣлѣ фактическаго присоединенія Амура, не скрывало, что порученіе, полученное гр. Путятинымъ, заключить съ Китаемъ формальный договоръ, который бы увѣнчивалъ великое предпріятіе, отчасти имъ же дискредитируемое, было какъ бы обидно для мѣстныхъ дѣятелей, вложившихъ въ него всю свою душу, понесшихъ множество трудовъ и лишеній и выдержавшихъ за Амуръ борьбу въ Петербургѣ, едва ли не болѣе тяжелую, чѣмъ самая борьба съ дикою природой амурской страны. Извѣстіе о разстройствѣ путешествія посла черезъ Монголію вернуло всѣмъ хорошее расположеніе духа; каждый думалъ: ну, теперь мы сами славно окончимъ то, что такъ славно нами же начато, вопреки дипломатамъ въ родѣ графа Нессельроде, бывшаго,

въ 1854 г., при рѣшеніи амурскаго вопроса въ принципѣ,—министромъ иностранныхъ дѣлъ и, во главѣ значительной партіи сановниковъ, противившагося возсоединенію Амура.

Когда 5-го мая, вмѣстѣ съ многими другими лицами, я представлялся вернувшемуся въ Иркутскъ Н. Н. Муравьеву, онъ спросилъ меня: чѣмъ вы занимаетесь теперь?—Я отвѣчалъ, что «составленіемъ карты Маньчжуріи для васъ и для графа Путятина».

— Карты Маньчжуріи! Ну, такъ вотъ вы со мною и поѣдете въ Маньчжурію черезъ десять дней. Надѣюсь, что къ тому времени вы успѣете кончить эту работу.

— Буду стараться; только, можетъ быть, она не будетъ довольно подробна, потому что нанесеніе подробностей требуетъ много времени.

— Ну, это ничего. Такъ вы готовьтесь къ отъѣзду.

Лучшаго поощренія къ работѣ нельзя было бы сдѣлать. Мечта моя быть на Амурѣ, составлявшемъ въ то время великій вопросъ дня, сбывалась. Я не выходилъ почти изъ чертежной во все остальное время до отъѣзда. Карта была готова, и первый экземпляръ ея генералъ-губернаторъ приказалъ отправить къ послу. Моя «исполнительность» понравилась.... однако, не всѣмъ. Ближайшій мой начальникъ, г. Б., которому самому хотѣлось быть въ свитѣ генерала, и даже за старшаго, выказывая мнѣ любезность, какъ будущему правителю генералъ-губернаторской канцеляріи на цѣлые 3—4 мѣсяца, не упускалъ уже и тогда вставлять мнѣ по временамъ шпильки, позволяя себѣ, напримѣръ, съ фамильярностью, вовсе не оправдываемою нашимъ недавнимъ знакомствомъ, называть меня иронически «начальникомъ штаба, статсъ-секретаремъ» и т. п., и тутъ же добавляя, что оставившій не задолго предъ тѣмъ Иркутскъ генеральнаго штаба полковникъ Заборинскій былъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, т. е. «сначала полѣзъ въ гору, обходя старшихъ, но, наконецъ, свихнулъ себѣ шею»... Этого рода интриги, къ сожалѣнію, были въ большомъ ходу, и я не сталъ бы здѣсь упоминать о данномъ личномъ случаѣ, если бы онъ не былъ однимъ изъ множества, часто въ корнѣ подрывавшихъ энергію людей молодыхъ, желавшихъ служить не лицамъ, а дѣлу, и не имѣвшихъ притомъ большихъ протекцій... Разумѣется, никто, не только въ штабѣ, но и въ главномъ гражданскомъ управленіи Восточной Сибири, не смѣлъ

пикнуть противу моего назначенія, потому что гласно сказанное слово Н. Н. Муравьева было закономъ; но многимъ мнѣ пришлось потомъ за сдѣланное мнѣ отличіе поплатиться.

18-го мая мы переѣхали Байкалъ. Погода была великолѣпная, и содержатель парохода, Безносиковъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы путешествіе наше по озеру обратить въ самую пріятную прогулку. Здѣсь впервые я увидѣлъ, какъ генералъ-губернаторъ популяренъ въ странѣ. Пассажиры на пароходѣ нисколько не стѣснялись его присутствіемъ: со многими онъ любезно разговаривалъ, и ни одинъ при этомъ не держался на вытяжкѣ, не унижался до лести или до какихъ либо изысканныхъ и двусмысленныхъ оборотовъ рѣчи, на которыя у насъ столько мастеровъ, особенно когда можно, подъ прикрытіемъ двусмысленной рѣчи, сдѣлать доносъ, пустить кляузу и т. п. Впрочемъ, такіе подходы были и неудобны съ Николаемъ Николаевичемъ. Онъ немедленно потребовалъ бы перевести ихъ на обыкновенный языкъ. За то его честные собесѣдники были всегда имъ очарованы. На пароходѣ между другими находился старичокъ, одѣтый въ ваточный, суконный сюртукъ съ поношенною мѣховою оторочкою, въ высокіе сапоги, въ которые были опущены панталоны, и въ теплый плюшевой картузъ съ ушами. Я принялъ его сначала за какого нибудь купеческаго прикащика низшаго разряда. Но вотъ, генералъ-губернаторъ, увидѣвъ его, громко сказалъ: «здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!» и дружески пожалъ ему руку, а потомъ вступилъ въ разговоръ, при которомъ кроткая физіономія старичка постоянно слегка улыбалась, а прекрасные глаза его сверкали. «Кто это такой?» спросилъ я одного изъ спутниковъ.—«А Горбачевскій, одинъ изъ «перворазрядныхъ» декабристовъ. Онъ былъ въ Иркутскѣ, а теперь ѣдетъ къ себѣ въ Петровскій заводъ, откуда не пожелалъ возвращаться въ Россію по силѣ амнистіи». Въ послѣдствіи я имѣлъ случай нѣсколько ближе узнать И. И. Горбачевскаго, встрѣтясь съ нимъ у начальника Петровскаго завода, капитана Дубровина. Это была чудная, свѣтлая личность, высокой нравственной мощи, не смотря на тихій характеръ. Въ его присутствіи люди не смѣли лгать, хотя онъ даже не выражалъ словами неодобреніе лжецу. И мнѣ говорили, что то же чародѣйное вліяніе производили нѣкоторые другіе изъ декабристовъ, даже не въ Сибири, гдѣ ихъ долго

знали и имъ поклонялись, а въ Москвѣ, въ Черниговѣ, кажется, даже въ самомъ Петербургѣ.

Здѣсь кстати вспомнить слѣдующій разсказъ о декабристахъ, слышанный мною потомъ отъ самого Николая Николаевича и имѣющій право на мѣсто въ исторіи. Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь въ 1848 году, стало быть, въ самый разгаръ реакціи противу всего либеральнаго. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ обратилъ вниманіе на судьбу политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ многіе отбыли уже сроки наказанія и проживали по городамъ и селамъ Иркутской и Енисейской губерній и Забайкалья—въ званіи посельщиковъ. Возстановленіе ихъ гражданскихъ правъ было подвинуто; но они все-таки не могли оставлять мѣстъ жительства. Это тяжелое лишеніе новый генералъ-губернаторъ захотѣлъ вознаградить возвышеніемъ общественнаго положенія ссыльныхъ; онъ открылъ имъ двери своего дома и посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ лично. Это до такой степени скандализировало подъяческую среду въ Иркутскѣ, что мѣстный губернаторъ, Пятницкій, послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ доносъ, при чемъ, конечно, думалъ, что «вотъ, молъ, новый генералъ-губернаторъ,—который тѣмъ временемъ успѣлъ уже очень не по-шерсти погладить иркутскихъ взяточниковъ-чиновниковъ [1]),—сломитъ себѣ рога».—Но что-же случилось? Мѣсяца черезъ два послѣ доноса получена Пятницкимъ бумага, адресованная къ нему уже не какъ къ губернатору, а какъ къ частному лицу. «Государь Имнераторъ,—писалъ министръ вн. дѣлъ Л. А. Перовскій,—по докладѣ его величеству содержанія рапорта вашего о дѣйствіяхъ, по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ, непосредственнаго начальника вашего, генералъ-губернатора Восточной Сибири, высочайше повелѣть соизволилъ: уволить васъ вовсе отъ службы». А про дѣйствія Н. Н. Муравьева покойный императоръ отозвался одному изъ своихъ приближенныхъ: «Вотъ, наконецъ, нашелся человѣкъ, который понялъ меня, понялъ, что я не ищу личной мести этимъ людямъ, а исполняю только государственную необходимость и, удаливъ преступниковъ отсюда, вовсе не хочу отравлять ихъ участь тамъ».

---

[1]) Одному изъ совѣтниковъ главнаго управленія Н. Н—чъ, на первыхъ же порахъ, бросилъ въ лицо его докладъ, направленный, по корыстнымъ расчетамъ, въ неправую сторону, и приказалъ „убираться вонъ“. **М. В.**

Поздно вечеромъ мы переѣхали, по разливу Селенги, въ деревню Степную и оттуда понеслись на почтовыхъ въ Верхнеудинскъ, гдѣ пробыли часа четыре въ домѣ любимца генералъ-губернатора, купца Курбатова, владѣльца чуть ли не единственныхъ въ то время въ Забайкальѣ стекляннаго завода и мельницы-крупчатки. Число насъ было невелико: Н. Н-чъ, я и переводчикъ маньчжурскаго языка, тогда еще очень молодой человѣкъ, Я. П. Шишмаревъ, въ послѣдствіи нашъ консулъ въ Ургѣ. Это было и все «путевое управленіе» Восточной Сибири и будущаго Амурскаго края, т. е. странъ, въ совокупности превосходящихъ по величинѣ всю Европу. Н. Н. Муравьевъ былъ врагъ канцелярскаго многописанія, за которымъ, какъ онъ хорошо зналъ, обыкновенно скрывается или недобросовѣстность или бездѣятельность. За все время моего состоянія при немъ въ должности какъ-бы управляющаго канцеляріею, мною было написано всего 102 бумаги, считая даже тутъ приказы по войскамъ и неномерованную переписку съ нѣкоторыми лицами въ Иркутскѣ и Петербургѣ. Когда я потомъ былъ въ Ставрополѣ и увидѣлъ, что тамошній штабъ, руководившій ходомъ завоеванія Закубанья, выпускаетъ въ годъ болѣе двадцати тысячъ бумагъ, тогда не осталось во мнѣ сомнѣнія, что, дѣйствительно, чѣмъ болѣе чиновники пишутъ, тѣмъ болѣе зла для государства и для самаго дѣла, къ которому бумаги относятся.

Послѣ недолгой остановки у Курбатова, во время которой генералъ-губернатора посѣтилъ архимандритъ Петръ, знавшій китайскій языкъ и одно время предполагавшійся въ переводчики, кажется, для посла, мы отправились далѣе. По прежнему, въ одномъ тарантасѣ ѣхалъ Н. Н-чъ со мною, а въ другомъ, нагруженномъ провизіей на все время нашего пребыванія на Амурѣ, Шимшаревъ. Мы скакали день и ночь и дѣлали около 300 верстъ въ сутки, благодаря состоянію дорогъ въ Забайкальѣ, тогда гораздо болѣе удовлетворительному, чѣмъ, напр., въ 1868 году, когда я видѣлъ ихъ снова. Для ускоренія переѣзда мы даже не обѣдали между Верхнеудинскомъ и Читою (428 вер.), а только пили чай и закусывали, по сибирски, жареными рябчиками. Когда подавался самоваръ, то камердинеръ генералъ-губернатора, приготовлявшій чай, долженъ былъ одновременно со стаканами для насъ троихъ наливать и для себя съ поваромъ, чтобы церемонія чаепитія

этихъ двухъ почтенныхъ особъ «послѣ господъ» не отнимала времени. И замѣчу, что то же правило соблюдалось Н. Н. Муравьевымъ постоянно въ его путешествіяхъ, а ихъ было не мало. По приблизительному соображенію, за время своего генералъ-губернаторства въ Сибири, онъ изъѣздилъ, по дѣламъ службы, 120,000 верстъ, т. е. какъ бы сдѣлалъ $3^1/_2$ путешествія вокругъ свѣта, въ томъ числѣ многія сотни верстъ верхомъ на трактѣ между Якутскомъ и Аяномъ и многія тысячи на лодкахъ по Амуру. Нѣкоторые изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, особенно адъютантовъ, дѣлали разъѣзды въ суммѣ еще болѣе длинные, какъ, напримѣръ, М. С. Корсаковъ, надъ которымъ смѣялись, что онъ свое атаманство въ Забайкальѣ не выслужилъ, а выѣздилъ. Въ Петербургѣ критиковали эту курьероманію; но, по всей справедливости, она была необходима, даже неизбѣжна. Разстоянія въ Сибири огромны, передача распоряженій по почтѣ медленна, потому что почта во многія мѣста ходила разъ въ недѣлю или въ мѣсяцъ, или даже въ полгода, телеграфовъ же, которые въ это время плотною сѣтью растягивались уже по всей Европѣ, не было на востокѣ не только отъ Урала, но и отъ самой Москвы.

Мы пріѣхали въ Читу около полудня и остановились въ домѣ губернатора, котораго, впрочемъ, не было на-лицо. Узнавъ, что посланникъ со всею свитою тоже въ Читѣ, Н. Н-чъ попросилъ меня сходить къ нему и пригласить на обѣдъ. Я исполнилъ эту миссію и получилъ согласіе графа, хотя у него у самого столъ былъ накрытъ и онъ сначала отвѣчалъ мнѣ убѣдительнымъ контръ-приглашеніемъ. Вѣроятно, отправляя меня къ графу Путятину, Н. Н. Муравьевъ не зналъ, что въ домѣ М. С. Корсакова обѣда для насъ не готовили, и потому вышла презабавная исторія. Нашему походному повару пришлось въ потьмахъ готовить походный обѣдъ изъ консервовъ и подавать его чуть ли не на походномъ жестяномъ сервизѣ. Посолъ съ аккуратностью дипломата пришелъ въ назначенный часъ, мы сѣли за столъ, и—о ужасъ! съ перваго же раза увидѣли, что походныя блюда далеки отъ идеала кулинарнаго искусства. Супъ съ перцемъ, не довольно разведенный водою, до такой степени жегъ внутренность рта, что я лишь изъ приличія съѣлъ его три ложки, причемъ потерялъ чувство вкуса слишкомъ на сутки. Адмиралъ-посланникъ оказался выносливѣе, быть можетъ, потому, что моряки привы-

кают къ разнымъ крѣпкимъ приправамъ, необходимымъ имъ отъ цынги, но я думаю, что и онъ нашелъ нашъ обѣдъ нѣсколько спартанскимъ... По счастію, онъ на третьемъ блюдѣ окончился...

Я нарочно разсказалъ этотъ пустой случай, потому что были люди, которые имъ воспользовались для цѣлей... вѣроятно—высшей политики. Перечный обѣдъ сталъ легендою и комментаріемъ отношеній между двумя «дворами»—генералъ-губернаторскимъ и посланническимъ. Я зналъ потомъ лично бо́льшую часть посланнической свиты; это все были прекрасные люди: архимандритъ Аввакумъ, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, А. М. Пещуровъ, и пр.; но въ то время мы были въ дипломатической войнѣ, при которой молчаливо подразумѣвалось, что компромиссъ невозможенъ. На мою долю иногда выпадала пренеблагодарная роль исполнять роль жира, которымъ смазываютъ зубчатыя колеса, чтобы машина шла успѣшнѣе, не скрипѣла, и я откровенно сознаюсь, что не умѣлъ ея выполнить. Самыя, по видимому, невинныя обстоятельства, напримѣръ, посылка, въ Горбицѣ, на посланническіе катера большой рыбы, только что пойманной въ Шилкѣ, перетолковывались вкривь и вкось... Я начиналъ понимать тогда, что̀ значитъ воевать за присоединеніе Амура не противу китайцевъ, а противъ своихъ.

Но оставимъ эту печальную сторону великаго дѣла. Errare humanum est, и притомъ перечныя отношенія между отдѣльными лицами не помѣшали успѣху общаго имъ патріотическаго дѣла... На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Читу, графъ Е. В. Путятинъ отправился съ утра внизъ по Ингодѣ на лодкахъ, а мы, послѣ обѣда, на этотъ разъ изъ свѣжихъ запасовъ, выѣхали по прежнему на почтовыхъ. За Читою уже становились замѣтны приготовленія къ экспедиціи на Амуръ. По Ингодѣ сплавлялись плоты, мелкія лодки и барки; иногда приходилось слышать, что изъ такой-то деревни идетъ на переселеніе столько-то дворовъ; въ другомъ мѣстѣ толковали о сплавѣ внизъ по Шилкѣ и Амуру цѣлыхъ домовъ, чтобы имѣть возможно скорѣе въ новомъ краю готовыя помѣщенія; по дорогѣ тянулись небольшіе обозы съ товарами и кладью, то же назначенными на Амуръ. Въ одномъ мѣстѣ генералъ-губернаторъ пожелалъ заѣхать къ знакомому казаку, уже бывшему на Амурѣ; вся семья встрѣтила насъ у входа

въ домъ, почтительно, но безъ униженія, кланяясь [1]). Былъ приготовленъ самими хозяевами (простыми казаками, а не офицерами) чай съ разными сибирскими снадобьями, не казистыми, но очень вкусными. Н. Н. Муравьевъ разспрашивалъ о толкахъ, которые шли въ народѣ относительно переселенія на Амуръ, и не трудно было замѣтить, что, не смотря на тягость этого переселенія, оно популярно между казаками, особенно хвалившими равнины близь Буреи, которыя казались имъ раемъ въ сравненіи съ Даурскимъ нагорьемъ. Когда маленькая хозяйская дочь, ребенокъ лѣтъ трехъ, получила отъ генералъ-губернатора «за угощеніе» цѣлую пригоршню гривенниковъ и пятиалтынныхъ, совершенно новенькихъ, то счастію семьи, по видимому, не было конца. Въ краѣ, управляемомъ единоличною сильною властью, подобныя посѣщенія простолюдиновъ носителемъ этой власти, мнѣ кажется, имѣютъ большой raison d'être и приносятъ существенную пользу.

Въ тотъ же день и даже вскорѣ послѣ этого, нѣсколько идиллическаго, эпизода, мнѣ пришлось быть впервые свидѣтелемъ и небольшой административной грозы. При перемѣнѣ лошадей въ Нерчинскѣ, генералъ-губернаторъ замѣтилъ, что какъ онѣ, такъ и сбруя очень плохи. Онъ приказалъ поэтому посадить почтосодержателя на гауптвахту... Конечно, послѣдній по наружности былъ неправъ; отъ него, по контракту съ почтовымъ начальствомъ, требовались лошади, хомуты, шлеи, возжи и пр. исправные; но какъ-то самъ собою представлялся вопросъ: отчего же именно въ городѣ, т. е. въ мѣстѣ, гдѣ живутъ почтовыя власти, станція хуже, чѣмъ по сосѣднимъ селеніямъ? Не была ли причиною исхуданія лошадей и сбруи именно эта близость начальствъ, слишкомъ внимательныхъ къ доходамъ мѣстнаго кліента? Вся Восточная Сибирь знала, что именно по этой причинѣ существовали постоянные безпорядки на почтовой станціи въ другомъ уѣздномъ городѣ, Ачинскѣ, гдѣ станціонная жалобная книга была исписана отъ начала до конца жалобами, остававшимися обыкновенно, по приговору почтмейстера, безъ всякихъ послѣдствій. Относительно Нерчинска я въ послѣдствіи узналъ то

[1]) Сколько помнится, служащій членъ этой семьи вышелъ въ мундирѣ; но что касается до стариковъ, то они были по-просту въ халатахъ, столь любезныхъ сердцу забайкальца и вообще сибиряка. **М. В.**

же самое, и потому арестованіе какого-то безотвѣтнаго мѣщанина мнѣ показалось совершенно административнымъ, т. е. вовсе не юридическимъ... Впрочемъ, и корыстолюбіе почтмейстера не замедлило сдѣлаться извѣстнымъ генералъ-губернатору, при томъ по очень оригинальному поводу. Нерчинская контора была въ это время крайнею къ сторонѣ Амура, гдѣ принимались посылки, привозимыя, напримѣръ, изъ Николаевска, который въ то время считался за porto-franco. Пользуясь этимъ, догадливый чиновникъ сталъ требовать, напримѣръ, отъ отправителей манильскихъ сигаръ, чтобы они въ Нерчинскѣ на почтѣ уплачивали ввозныя пошлины, по какому-то имъ самимъ установленному тарифу. Одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ узналъ объ этомъ отъ самого отправителя сигаръ и доложилъ. «Что же мнѣ дѣлать съ нимъ?» —отвѣчалъ Н. Н-чъ. Вы знаете, что почтовое вѣдомство у насъ status in statu. Я не имѣю никакой власти остановить какое либо зло, дѣлаемое почтовымъ чиновникомъ въ его конторѣ. Мало того: я самъ дѣлаю въ Иркутскѣ визиты губернскому почтмейстеру собственно для того, чтобы онъ моихъ писемъ не перечитывалъ и не задерживалъ». Признаніе знаменательное и которое хотя отчасти объяснило мнѣ, почему за безпорядки на нерчинской станціи былъ арестованъ не почтмейстеръ, а почтосодержатель!

Въ Бянкинѣ, слѣдующей станціи за Нерчинскомъ, мы сѣли на катера и лодки, нарочно для насъ приготовленные, и начали такимъ образомъ наше путешествіе водою, которое должно было длиться нѣсколько дней. Но, впрочемъ, не Бянкино и не слѣдующій за нимъ Стрѣтенскъ, на Шилкѣ же, служили мѣстомъ отправленія экспедиціи. Шилка тутъ хотя и имѣетъ уже много воды, но не довольно удобна для судоходства по причинѣ быстринъ и перекатовъ. Только очень небольшія, плоскодонныя суда могутъ плавать по ней, особенно въ малую воду. Вотъ почему уже съ 1854 года точкою отправленія амурскихъ сплавовъ служилъ Шилкинскій заводъ, верстахъ въ 80-ти ниже Стрѣтенска. Туда, наконецъ, мы и прибыли, чтобы дать послѣдній толчокъ предположенному на этотъ годъ дѣлу. Въ заводѣ—длинномъ селеніи, въ которомъ собственно горнозаводская дѣятельность уже не существовала,—устроена была верфь для судовъ, составлялись и нагружались плоты, строились баржи и даже, въ 1854 г., были

выстроены два парохода, Аргунь и Шилка. Подготовленіемъ всей экспедиціи 1857 года занимался лично военный губернаторъ Забайкалья, М. С. Корсаковъ, а начальникомъ сплавовъ или эшелоновъ были назначены: военнаго, слѣдовавшаго впереди, командиръ одного изъ двухъ баталіоновъ, составлявшихъ весь экспедиціонный отрядъ, а гражданскаго, слѣдовавшаго сзади и составленнаго изъ разнаго рода казенныхъ грузовъ—полковникъ Ушаковъ, почтенная личность, честная, но нѣсколько слабая, такъ что, благодаря ему, въ ходѣ экспедиціи обнаружились потомъ нѣкоторыя замедленія.

Здѣсь у мѣста вспомнить, какъ вообще снаряжались и производились амурскія экспедиціи. Что это не были нашествія русскихъ войскъ съ цѣлью кого либо разгромить или покорить оружіемъ, какъ на Кавказѣ или потомъ въ Туркестанѣ,—это болѣе или менѣе извѣстно каждому. Присоединеніе Амура не стоило Россіи ни капли крови, ни одного выпущеннаго патрона. Войска брались на всякій случай, какъ угроза китайцамъ, а, главное, какъ рабочая сила для водворенія русскихъ осѣдлостей. Въ 1854—1855 годахъ они, правда, отправлялись на низовья Амура для защиты этой мѣстности отъ англо-французовъ; но, по заключеніи въ 1856 г. мира, значительная часть этихъ боевыхъ служакъ была возвращена. Теперь, т. е. въ 1857 г., рѣчь шла о солдатахъ, почти лишь какъ о строителяхъ разныхъ казенныхъ зданій, предположенныхъ къ возведенію вдоль Амура, да еще какъ о помощникахъ колонистамъ въ сплавѣ имущества и возведеніи домовъ. Баталіоны должны были сплыть изъ Шилкинскаго завода на устья Зеи и, смотря по ходу отношеній нашихъ къ китайцамъ, болѣе или менѣе немедленно приступить къ постройкѣ жилищъ, какъ на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ предположенной колонизаціи, такъ и вверхъ и внизъ отъ него по Амуру. На зиму 1857—1858 годовъ предполагалось оставить только одинъ изъ этихъ баталіоновъ на берегахъ великой рѣки, а другой вернуть въ Шилкинскій заводъ, какъ рабочую силу и прикрытіе для экспедиціи слѣдующаго года.

Разумѣется, что, отправляя солдатъ въ далекій и пустынный край, слѣдовало больше всего заботиться, чтобы они были хорошо обезпечены продовольствіемъ на возможно долгій срокъ, снабжены средствами для возведенія жилищъ, устройства для себя ого-

родовъ, поддержанія въ порядкѣ одежды и т. п. Всѣ нужные для того предметы, вмѣстѣ съ порохомъ и оружіемъ, и составляли военный сплавъ. Такъ какъ число гребцовъ въ немъ всегда было значительно, то онъ въ состояніи былъ плыть скоро и прибыть, напримѣръ, изъ Шилкинскаго завода на Зею (1,000 верстъ) дней въ десять. Солдаты и офицеры 13-го и 14-го сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ были уже опытны въ дѣлѣ амурскихъ экспедицій, и потому опозданія этого военнаго эшелона опасаться было нечего.

Гораздо болѣе заботъ внушалъ сплавъ грузовой. Огромное количество муки, крупъ, соли, спирта, солонины, живаго скота, полотенъ, суконъ, кожъ, разныхъ инструментовъ и пр. для войскъ, находившихся на низовьяхъ Амура, и для крестьянъ, тамъ недавно поселившихся, занимало множество баржъ и плотовъ, для управленія которыми рабочихъ найти было не легко. Правда, доставка этого груза была отдана съ подряда одному купцу, но при неизбѣжномъ, по существу дѣла, содѣйствіи военной администраціи и подъ надзоромъ ея. Коммерческая отвѣтственность есть, какъ извѣстно, имущественная, т. е. опредѣляется большею или меньшею неустойкою за неисправность исполненія подряда. Но что пользы было бы взять съ неисправнаго доставителя грузовъ въ Николаевскъ нѣсколько тысячъ рублей, когда отъ его неаккуратности перемерло бы много людей голодною смертью или безвозвратно пострадали бы многіе важные интересы государства? Поправить зла въ томъ же году было бы уже нельзя, потому что вѣдь не на Усури же или Гыринѣ нашли бы нужные запасы, суда и рабочихъ для сформированія новаго сплава, а думать о новомъ рейсѣ изъ Забайкалья было бы нелѣпо. Кромѣ того, тяжкіе опыты прежнихъ годовъ показали, что на нижнемъ Амурѣ, т. е. ниже Сунгари, бываютъ такія бури, которымъ противостоять не всегда могутъ даже хорошо устроенныя суда; а тутъ приходилось часть грузовъ сплавлять на плотахъ: слѣдовательно, нужно было имѣть за сплавомъ строгій надзоръ и помощь въ видѣ запасныхъ рабочихъ—солдатъ.

Наконецъ, въ 1857 году къ названнымъ двумъ элементамъ всякой амурской экспедиціи присоединился въ значительномъ количествѣ третій, именно переселенцы съ ихъ имуществомъ. Отправлялись изъ состава забайкальскаго войска 450 семействъ,

долженствовавшихъ занять огромную линію отъ Усть-Стрѣлки до Хингана—около 980 верстъ. Сплавъ ихъ шелъ по Онону, Шилкѣ и Аргуни, и хотя былъ оставленъ на попеченіи собственныхъ ихъ, казачьихъ начальствъ, подъ общимъ руководствомъ бригаднаго командира Хилковскаго, но въ концѣ концовъ озабочивалъ и общее начальство экспедиціи, т. е. самого генералъ-губернатора. Мы увидимъ даже, что онъ причинилъ ему больше заботъ, чѣмъ какое-нибудь другое дѣло въ теченіе лѣта 1857 года. Казакамъ-переселенцамъ выданы были денежныя пособія (очень небольшія въ сравненіи, напримѣръ, съ кавказскими колонистами 1862—1864 годовъ), обезпечено на первые 14 мѣсяцевъ продовольствіе (на Кавказѣ на три года) и обѣщано содѣйствіе регулярныхъ войскъ для постройки жилищъ. Но они должны были селиться гдѣ имъ укажутъ, и въ первое лѣто обстроиться, запастись сѣномъ и даже распахать пашни....

Когда мы прибыли въ Шилкинскій заводъ, приготовленія къ началу экспедиціи были подвинуты сильно. Вдоль по рѣкѣ на большомъ протяженіи тянулись плоты, барки и лодки, долженствовавшіе поднять военный отрядъ и грузы. Многіе изъ нихъ были совершенно готовы къ отплытію; другіе, какъ къ удивленію оказалось, еще не начинали грузиться. И именно, не погружена была мука, т. е. предметъ безусловной необходимости. «Отчего? гдѣ подрядчикъ?»—На этотъ зовъ явился къ генералъ-губернатору повѣренный подрядчика (помнится, купца Серебрякова) М. А. Бестужевъ, одинъ изъ сосланныхъ въ 1826 году, и объяснилъ, что интендантскіе чиновники дѣлаютъ каверзу. Въ контрактѣ сказано, что подрядчикъ обязуется на свой счетъ погрузить на барки хлѣбъ съ берега; провіантскіе чиновники хотѣли этому слову дать такой смыслъ, что изъ магазиновъ, находящихся, конечно, поморскому, на берегу, т. е. на сушѣ, а не въ водѣ, но на значительномъ разстояніи отъ рѣки; а подрядчикъ, конечно, толковалъ контрактъ по своему. Ясно было, что интендантскія выжиги хотѣли прижать подрядчика, чтобы взять съ него хоть половину той суммы, въ которую бы обошлась перевозка хлѣба за нѣсколько сотъ сажень. А сумма была бы не мала, потому что подводы въ Шилкинскомъ заводѣ въ это время стоили очень дорого. Это вывело изъ терпѣнія Н. Н. Муравьева, который, разсмотрѣвъ дѣло поближе, рѣшился дать чиновни-

камъ гонку. Гонка эта и состоялась на слѣдующее утро, немедленно послѣ представленія всѣхъ служащихъ, находившихся въ Шилкинскомъ заводѣ. Лица эти были выстроены въ небольшой генералъ-губернаторской пріемной, по старшинству чиновъ; подходя по очереди, Н. Н. Муравьевъ съ каждымъ говорилъ нѣсколько словъ, большею частію очень любезныхъ; но трехъ интендантскихъ чиновниковъ онъ миновалъ, сказавъ имъ только: «вы останетесь здѣсь, когда другіе уйдутъ», совершенно такъ, какъ, бывало, въ блаженныя времена субботнихъ экзекуцій, говорилось семинаристамъ. И экзекуція послѣдовала, да такая, что я, посторонній, былъ ошеломленъ. Слова «мошенничество и воровство» не были самыми жесткими въ грозной рѣчи. Виновнымъ былъ обѣщанъ солдатскій мундиръ, полиціймейстеру завода приказано было безотлагательно и за какую бы цѣну ни было нанять рабочихъ для доставки хлѣба къ баркамъ изъ магазиновъ, а мнѣ приказано написать оберъ-провіантмейстеру въ Иркутскъ предписаніе, «чтобы онъ выгналъ негодяевъ изъ службы»... Замѣчательно, что чиновники выслушали діатрибу довольно спокойно; вѣроятно, они къ ней готовились, и, конечно, изъ всѣхъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій самое непріятное для нихъ было о немедленномъ наймѣ на ихъ счетъ рабочихъ. Немедленнаго удаленія со службы они не боялись, потому что замѣнить ихъ было некѣмъ.

Послѣ поученія, даннаго интендантамъ, приготовленія къ отходу сплава оживились и, казалось, новыхъ случаевъ къ задержкѣ не было. Но, по пословицѣ, одна бѣда никогда не бываетъ, а ведетъ за собою другую. Въ тотъ же день мы узнали, что одна изъ барокъ, нагруженная порохомъ для Николаевска, слегка затонула, при чемъ порохъ, хотя и былъ въ боченкахъ, но, конечно, подмокъ. Гдѣ-нибудь въ Англіи этотъ случай былъ бы пустымъ, потому что замѣнить подмокшій порохъ было бы легко. Совсѣмъ не то въ Восточной Сибири, куда пороховые запасы доставлялись изъ Казани, гужомъ, такъ что боченки бывали въ дорогѣ по четыре мѣсяца. Мало того, въ данномъ случаѣ потеря была особенно важна, потому что вѣдь мы ѣхали, такъ или иначе, завоевывать край, и нельзя было безусловно ручаться, что не дойдетъ дѣло до пушекъ. Китайцы, правда, въ теченіе 1854—1856 годовъ, обнаруживали миролюбіе; военныхъ приготовленій

у нихъ замѣтно не было; но вѣдь на это можно было возразить, что и мы въ три прошедшіе года не отнимали у нихъ ничего, фактически имъ принадлежавшаго, а теперь, напротивъ, рѣчь шла о томъ, чтобы водвориться среди ихъ самихъ или, по крайней мѣрѣ, о-бокъ съ ними. Порохъ былъ вещью важною. Но, разумѣется, съ неудачею пришлось помириться. Узнавъ, что подмочка не особенно велика, я позволилъ себѣ предложить пересушку пороха съ тѣмъ, чтобы потомъ сдать его въ горное вѣдомство для взрывовъ скалъ. Мысль моя была одобрена, но вѣдь горное вѣдомство могло заортачиться, сказать, что ему ненужно дряни, или принять запасъ съ оговорками, что въ немъ лишь столько-то годнаго матеріала, а остальное подлежитъ сложенію со счетовъ, и проч. На подобныя оговорки бюрократы вообще большіе мастера, а бюрократы-хозяева въ казенныхъ дѣлахъ—особенно. Къ счастію, ничего подобнаго не случилось. Н. Н. Муравьевъ умѣлъ подбирать себѣ сотрудниковъ, у которыхъ честное отношеніе къ дѣлу было первымъ закономъ ихъ службы, а крючкотворство стояло на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Начальникъ нерчинскихъ заводовъ былъ въ это время умный и благородный полковникъ Дейхманъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ безъ затрудненія согласился принять подмоченный порохъ въ горное вѣдомство, и такимъ образомъ казна избавилась отъ многихъ тысячъ издержекъ, а дѣло у генералъ-губернатора ограничилось всего тремя бумагами: Ушакову—сдать, Дейхману—принять и въ штабъ, въ Иркутскъ—замѣнить затонувшій порохъ. Николаевскія власти должны были узнать о случаѣ отъ самого начальника сплава, а китайцевъ мы, разумѣется, не увѣдомляли совсѣмъ, ни прямо, ни косвенно.

26-го и 27-го мая экспедиція, по мѣрѣ изготовленія къ отплыву, стала трогаться въ путь. Разбросанные на большомъ пространствѣ вдоль по Шилкѣ, потянулись барки, плоты и лодки. Генералъ-губернаторъ и посланникъ ѣхали на двухъ совершенно сходныхъ катерахъ съ небольшими домиками на палубѣ; свита гр. Путятина—на довольно большой баржѣ, тоже съ приспособленіями для жилья, а я и Шишмаревъ—на маленькихъ лодочкахъ-душегубкахъ, съ однимъ гребцомъ каждая. Берега Шилки, обставленные суровыми скалистыми горами, на которыхъ растетъ исключительно хвойной лѣсъ, представляли зрѣлище поразитель-

ное по своему пустынному величію, особенно вечеромъ, когда въ долинѣ рѣки темнота наступала гораздо ранѣе, чѣмъ по вершинамъ горъ. Часамъ къ пяти по полудни мы прибыли въ Горбицу, послѣдній въ то время населенный пунктъ нашъ по Шилкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ офиціальной границы Китая [1]). Тутъ на берегу рѣки жилъ въ то время, въ порядочномъ домѣ, зауряд войсковой старшина Скобельцинъ, который дѣлалъ въ 1851 году экспедицію въ восточную часть Становаго хребта, вмѣстѣ съ полковникомъ Ахте и топографомъ Крутиковымъ. Однажды ему, тогда простому уряднику, пришлось на могучихъ плечахъ своихъ нести больнаго начальника экспедиціи и вообще, какъ въ это время, такъ и въ послѣдствіи, на Амурѣ, явить столько мужества въ перенесеніи трудовъ и лишеній, столько настойчивости въ достиженіи цѣлей, ему указанныхъ, что генералъ-губернаторъ, не имѣя возможности повести его далеко по административной дорогѣ, далъ ему чинъ за-урядъ войсковаго старшины (на производство въ подобные чины онъ имѣлъ право) и выхлопоталъ владимірскій крестъ, дававшій въ то время права дворянства. Подобно другимъ почетнымъ казакамъ, Скобельцинъ жилъ оборотами по мѣховой торговлѣ, скупая мѣха у тунгузовъ и собственныхъ сослуживцевъ-охотниковъ. Въ домѣ было замѣтно довольство; но простота господствовала патріархальная. Н. Н. Муравьевъ остался у него пить чай, вспоминалъ его службу, спрашивалъ его указаній на счетъ хозяйственныхъ условій Амурскаго края и вообще оказывалъ столько вниманія, сколько могъ. Но ночевать у него мы не остались, и поплыли далѣе. Ночью экспедиція была еще живописнѣе, потому что огоньки были разсѣяны по рѣкѣ тамъ и сямъ, двигались и исчезали за высту-

[1]) Рѣка Горбица была признана пограничною еще въ 1689 г., по нерчинскому договору; но на картѣ Китая, составленной Д'Анвилемъ, пограничная черта обозначена по Амазару. Это подавало поводъ нашимъ агрессистамъ увѣрять, что и на самомъ дѣлѣ русскія владѣнія простирались до Амазара. Но, конечно, этотъ взглядъ былъ смѣшонъ, потому что китайцы каждый годъ лѣтомъ приходили изъ Айгупа на лодкахъ въ Горбицу свидѣтельствовать пограничные знаки, и никогда, въ теченіе 168 лѣтъ, нами не было сказано имъ, что они забрались не въ свои владѣнія. Дѣлаю это замѣчаніе потому, что въ 1850-хъ годахъ не разъ дѣлались разныя натянутыя объясненія нерчинскаго договора, напримѣръ, почтеннымъ Г. И. Невельскимъ, ухитрявшимся какъ-то на основаніи этого трактата проводить нашу границу отъ Горбицы къ самой Кореѣ. М. В.

пами береговъ; но скоро мы, т. е. два катера, суда свиты и двѣ канонерки, составлявшія конвой, отдѣлились отъ баржей и плотовъ, далеко ихъ обогнавъ. Еще день и еще ночь въ горной пустынѣ, и рано утромъ 29-го мая 1857 г. увидали Амуръ.

Исторія открытія Америки въ повѣствованіяхъ Вашингтона Ирвинга и Прескота, разсказы Мунго-Парка о первомъ видѣ на Нигеръ — знакомы съ юности каждому образованному человѣку. Молодое поколѣніе 1840—1850-хъ годовъ, кромѣ того, зачитывалось Гумбольдтомъ, его странствованіями по Ореноко и Ріо-Негро. Мудрено-ли, что тѣ изъ насъ, которые впервые увидали Амуръ, испытывали ощущеніе родственное съ тѣмъ, какое было чувствуемо, напримѣръ, Васко-Нунвесомъ-де-Бальбоа, когда онъ съ высотъ Панамскаго перешейка увидалъ впервые Тихій океанъ. Конечно, Амуръ не былъ уже новостью для насъ, какъ для спутниковъ Пояркова и Хабарова; но идея, съ нимъ соединявшаяся, была такъ же свѣжа и величава, какъ если бы мы были сами первыми открывателями. Смотря на широкій потокъ, мирно струившійся прямо къ востоку, многіе изъ насъ думали: тамъ, гдѣ-то, далеко, почти такъ же далеко, какъ отъ Москвы до Арарата, рѣка эта вливается въ море, и это море—Великій океанъ, единственный открытый путь изъ Россіи не въ Швецію, не въ Турцію, а въ Америку, Австралію и южную Азію...

Я съ намѣреніемъ освѣжаю эти воспоминанія, чтобы записать здѣсь, по поводу ихъ, и другія, которыхъ, конечно, никто не назоветъ сантиментальными. Еще въ Иркутскѣ, г. Б., мой непосредственный начальникъ, когда узналъ, что ему вообще въ теченіе лѣта 1857 года не удастся быть на Амурѣ, сталъ мнѣ въ полголоса говорить, что всѣ эти амурскія экспедиціи—фарсъ, что Амуръ—дрянная, болотистая рѣка, въ которой мѣстами всего на три фута воды, какъ-дескать удостовѣрились въ 1855 году спутники адмирала Путятина, что всѣ амурскія затѣи рано или поздно окажутся затѣями. Я не имѣлъ тогда достаточно точныхъ свѣдѣній о природѣ Амурскаго края и хотя, прочтя статьи Пермикина и Аносова и имѣя въ рукахъ съемку Попова (глазомѣрную), не вѣрилъ Б-у, но и не полагалъ, чтобы его отзывы напоминали отзывы огорченной лисицы о виноградѣ съ придачею еще кое-чего. Теперь я понимаю, что это была ложь, даже намѣренная ложь, чтобы вызвать меня на какую-нибудь обмолвку объ

Амурѣ, непріятную для генералъ-губернатора и, слѣдовательно, долженствовавшую вызвать его нерасположеніе ко мнѣ... Я немедленно сдѣлалъ помощью буссоли измѣреніе ширины рѣки и переѣхалъ ее отъ одного берега до другаго съ лотомъ въ рукахъ. Оказалось, что ширина достигаетъ 226 сажень, что̀ равно ширинѣ Невы у Литейнаго моста, а глубина по фарватеру, идущему почти по срединѣ рѣки, нѣсколько ближе къ правому берегу, доходила до 27 футовъ, т. е. почти четырехъ сажень. Гдѣ же правда у тѣхъ, которые въ Петербургѣ и даже въ Иркутскѣ бросали сомнѣніе на достоинство Амура, какъ водянаго пути?

Мы простояли часа два въ Усть-Стрѣлочномъ караулѣ, расположенномъ на Аргуни, вблизи сліянія ея съ Шилкою, и генералъ-губернаторъ освѣдомился о томъ, какія мѣры приняты, чтобы въ этомъ пунктѣ люди, подлежавшіе возвращенію съ Амура, находили нужные запасы сухарей, спирта, мяса и проч. Тутъ слѣдовало бы остаться для наблюденія за сплавомъ колонистовъ общему начальнику ихъ Хилковскому; но Николай Николаевичъ пригласилъ его сопутствовать намъ въ плаваніи внизъ по Амуру теперь же, чтобы осмотрѣть мѣста, гдѣ предназначалось водворить станицы,— и сдѣлалъ ошибку, въ которой потомъ неоднократно раскаявался. Хилковскій былъ умный, точнѣе—хитрый, казакъ, которому нравилась мысль попасть на Амуръ бригаднымъ командиромъ и развить здѣсь хорошую торговлю скотомъ и мѣхами, уже веденную имъ въ Цурухайту; онъ былъ большой домоводъ, владѣлецъ конскихъ табуновъ; но административныя его дарованія оказались не особенно великими. Отказаться отъ сопутничества генералъ-губернатору у него не достало или соображенія, или воли. Онъ даже увѣрялъ, что караваны переселенцевъ вполнѣ готовы и плывутъ, одни по Онону, другіе по Аргуни, что все у нихъ въ изобиліи и проч. Это была неправда.

Плаваніе наше, т. е. генералъ-губернатора и посланника съ ихъ свитами и двухъ канонерскихъ лодокъ съ 80 солдатами и двумя пушками, началось отъ Стрѣлки часовъ въ 10 утра, и такъ какъ Амуръ былъ удобнѣе Шилки, то мы на другой день утромъ были уже на Кутомандѣ, небольшомъ постѣ, основанномъ годъ тому назадъ и достопамятномъ въ лѣтописяхъ Амура. Здѣсь мы нашли на якорѣ пароходъ Шилку, чинившій свою машину. Пароходъ этотъ составлялъ амурскій курьезъ, и

потому о немъ стоитъ сказать два слова. Въ 1854 г., передъ первою амурскою экспедиціею, были выстроены въ Шилкинскомъ заводѣ два парохода, Аргунь и Шилка, на которые поставлены кое-какія машины. Аргунь, сравнительно, удалась и плавала нѣсколько лѣтъ по Амуру, особенно въ низовьяхъ, гдѣ теченіе тихо; но Шилка была рѣшительно неповоротливымъ чудовищемъ, про которое одно вліятельное въ морскомъ вѣдомствѣ лицо справедливо сказало, что «пароходъ Шилка ходитъ только по 200 верстъ въ годъ, да и то по теченію». Машина его и котлы занимали чуть-ли не двѣ трети емкости корпуса, а сила первой была такъ мала, что судно рѣшительно не могло ходить противъ теченія. Надѣялись помочь горю кое-какими передѣлками, и съ этою цѣлью на Кутоманду, гдѣ пароходъ зимовалъ, съ ранней весны былъ отправленъ капитанъ-лейтенантъ Соханскій съ командою мастеровыхъ и матросовъ. Онъ-то насъ и встрѣтилъ теперь, исхудалый, утомленный трудами и лишеніями, но не терявшій надежды «дать пароходу два узла ходу противу теченія на самомъ быстромъ мѣстѣ Амура». Считая въ день среднимъ числомъ 14 часовъ плаванія, это было бы 49 верстъ въ сутки, на болѣе тихихъ мѣстахъ, можетъ быть, 60. Очевидно, игра не стоила свѣчъ, и въ послѣдствіи генералъ-губернаторъ приказалъ сплавить Шилку въ Николаевскъ, какъ баржу.

Я сейчасъ сказалъ, что Кутоманда достопамятна въ лѣтописяхъ Амура; объясню теперь — почему. Въ 1856 году тутъ находился складъ продовольствія для людей, по окончаніи сплава возвращавшихся съ низовьевъ Амура. Людей этихъ было много, и между ними было 600 человѣкъ солдатъ. М. С. Корсаковъ, за отсутствіемъ Н. Н. Муравьева на коронацію въ Москву, распоряжавшійся на Амурѣ, назначилъ послѣднимъ идти вверхъ по рѣкѣ бичевою, по 40 верстъ въ день, и даже еще рубить на ночлегахъ дрова въ запасъ для пароходной навигаціи будущаго года. Это было неисполнимо, но все-таки приказано и, слѣдовательно, предполагалось подлежащимъ исполненію. И собственно, бѣды въ такомъ распоряженіи не было бы, потому что отъ небуквальнаго исполненія его никто бы не потерялъ. Но бѣда была въ томъ, что молодой атаманъ, полагаясь на непогрѣшимость своихъ соображеній, распредѣлилъ по Амуру и посты съ запасами по такому расчету, что солдаты должны были двигаться по 40 верстъ въ

сутки изъ опасенія, что продовольствія, взятаго съ одного пункта, не хватитъ до слѣдующаго. Ближайшій отъ Кутоманды внизъ по Амуру складъ продовольствія находился на Кумарѣ, т. е. въ 350 или болѣе верстахъ. Наступилъ октябрь мѣсяцъ, когда солдаты достигли послѣдняго и получили тамъ сухарей и проч. на десять дней. Приходилось идти по холоду, столь значительному, что на рѣкѣ каждое утро являлись ледяные забереги. Скоро появилась и шугà, по великорусски—сало, т. е. мелкій ледъ, предшествующій замерзанію рѣки. Двигаться не только по 40, но и по 4 версты въ день съ лодками было нельзя. Приступили къ постройкѣ санокъ, на которыхъ бы можно было везти продовольствіе, оружіе, кладь и больныхъ; уменьшили дневную дачу и начали подвигаться помаленьку, черезъ пеньки, камни, не совсѣмъ установившійся ледъ и проч. Солдатамъ велѣно было охотиться въ прибрежныхъ лѣсахъ; но дичь въ этихъ лѣсахъ, постоянно обезпокоиваемая охотниками-тунгузами, держится вдали отъ рѣки, и охота солдатъ была почти безплодна. Тогда надъ законами и распоряженіями человѣческими сталъ брать верхъ законъ естественный. Люди начали умирать съ голоду; они ѣли подошвы, ранцевые ремни и т. п. Самъ начальникъ команды, подполковникъ Облеуховъ, съѣлъ собственную собачку. Усталые солдаты отказывались идти и ложились умирать; у другихъ являлась мысль питаться человѣческимъ мясомъ. И несомнѣнно, что случай подобнаго людоѣдства былъ. Молодой юнкеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и солдатомъ, видя неудачливость охоты, порѣшили бросить жребій, кому быть съѣденнымъ. Выборъ судьбы палъ на юношу, и товарищи долго не рѣшались исполнить надъ нимъ казнь. Наконецъ, голодъ взялъ свое. Воспользовавшись минутами сна, они пристрѣлили несчастнаго и съѣли его—всего или только отчасти, не знаю. Въ 1857 году одинъ изъ этихъ людоѣдовъ находился на устьѣ Зеи, т. е. въ теперешнемъ Благовѣщенскѣ, и отбывалъ эпитемію, которая была на него наложена духовными властями. Объ уголовномъ преслѣдованіи, разумѣется, не было и рѣчи, потому что всякое слѣдствіе было бы слишкомъ невыгодно—не для солдата, а для начальниковъ.

Подполковникъ Облеуховъ зналъ, что на Кутомандѣ есть складъ запасовъ. Онъ отобралъ наиболѣе сильныхъ людей и послалъ ихъ впередъ извѣстить о несчастіи начальника поста.

Велика была радость его, когда однажды люди эти вернулись назадъ и подкрѣпили отчаявавшихся въ своемъ спасеніи извѣстіемъ, что хлѣбъ близко... Но на Кутоманду изъ 600 человѣкъ все-таки пришло лишь 330, а 270 остались въ холодной пустынѣ.

Вотъ этихъ-то людей могилы мы начали встрѣчать по берегамъ Амура вскорѣ послѣ отплытія изъ Кутоманды. Мѣстами, пережившіе ихъ товарищи поставили надъ ними кресты. Завидѣвъ такой крестъ, набожный графъ Е. П. Путятинъ иногда останавливался и приглашалъ своего спутника, архимандрита Аввакума, прочесть молитву. Но читать надо всѣми было бы слишкомъ долго, и мы большею частію проплывали мимо ихъ не останавливаясь... Вѣчная память этимъ безвѣстнымъ страдальцамъ, жертвамъ не великаго дѣла, а неумѣлости тѣхъ, кто брался имъ распоряжаться...

Плаваніе наше продолжалось безостановочно, день и ночь. Иногда только приставали на короткое время къ берегу, чтобы передъ обѣдомъ или завтракомъ дать время стянуться всему каравану. Обѣдали и завтракали обыкновенно на катерѣ Н. Н. Муравьева, гдѣ всегда шла живая бесѣда, прекращавшаяся только на короткое время ночью. А ночи въ началѣ іюня такъ недлинны! Только разъ, до самаго устья Зеи, мы встрѣтили людей. Это были орочены, ловившіе рыбу особаго рода снарядами, уставляемыми среди рѣки. На вершинѣ треножника, связаннаго изъ жердей, которыя воткнуты въ дно, сидѣлъ косматый тунгузъ и зорко наблюдалъ, когда рыба попадетъ въ снасть; тогда другіе, на лодкахъ, подъѣзжали и выгружали пойманное. Первые слѣды китайскихъ осѣдлостей встрѣтились на Улусѣ-модонѣ, гдѣ былъ расположенъ маньчжурскій караулъ, вѣроятно, для наблюденія за рѣкою въ этомъ любопытномъ мѣстѣ, гдѣ она описываетъ замѣчательную двойную излучину, почти въ видѣ цифры 8, и гдѣ перешейки между кривыми колѣнами такъ узки, что каждый изъ нихъ можно миновать въ полчаса, тогда какъ по рѣкѣ приходится плыть до 30-ти верстъ.

3-го іюня, передъ вечеромъ, показалась вдали маньчжурская деревня Амба-Сахалянъ. По картѣ, здѣсь долженъ былъ находиться на лѣвомъ берегу Амура, т. е. противъ деревни, нашъ постъ; и въ самомъ дѣлѣ мы скоро замѣтили казаковъ, выстроившихся на площадкѣ. У берега была сдѣлана небольшая пристань изъ

досокъ на козлахъ. Мы причалили и вышли на сушу. Пожилой казачій офицеръ, начальникъ поста, по обычаю, отрапортовалъ, что на «Устьзейскомъ Е. И. В-ва посту все обстоитъ благополучно», и, когда генералъ-губернаторъ спросилъ его: «сколько у васъ умерло въ зиму людей?»—съ небольшимъ вздохомъ, но офиціально-холодно отвѣчалъ: «двадцать девять, ваше высокопревосходительство!» А у него и вся команда-то состояла изъ одной сотни!... Почтенный этотъ старецъ былъ сотникъ Травинъ, котораго потомъ мы всѣ научились уважать.

Поздоровавшись съ казаками и поблагодаривъ ихъ за трудную службу, Н. Н. Муравьевъ захотѣлъ посѣтить кладбище, гдѣ были похоронены умершіе ихъ товарищи. Архимандритъ Аввакумъ былъ приглашенъ на этотъ разъ отслужить уже панихиду. И вотъ мы собрались, съ непокрытыми головами, въ одной небольшой падди или лощинкѣ, гдѣ стояло нѣсколько крестовъ, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здѣсь, на далекомъ востокѣ Азіи, всѣ мы, живые и мертвые, правые и лѣвые, красные и зеленые—члены одной великой русской семьи, что когда нибудь исторія вспомнитъ и о скромномъ кладбищѣ подъ уваломъ лѣваго берега Амура и о тѣхъ, кто въ виду его готовились... кто знаетъ? можетъ быть, тоже лечь въ могилу въ томъ же далекомъ отъ родины краѣ. Утѣшеніемъ могло быть одно, именно, что край этотъ отнынѣ можно уже было считать несомнѣнно русскимъ.

На другой день, оставивъ меня распоряжаться нашимъ водвореніемъ на постѣ, генералъ-губернаторъ отправился лично провожать посланника внизъ по Амуру. Скоро начали подплывать солдаты съ ихъ барками и плотами. На основаніи приказаній генералъ-губернатора, я указалъ имъ мѣсто, гдѣ причаливать, а самъ занялся съемкою той обширной равнины, которая составляетъ стрѣлку при сліяніи Амура съ Зеею. Когда Н. Н-чъ вернулся съ проводовъ, простиравшихся до Айгуна (30 верстъ) и даже далѣе, то мы втроемъ, т. е. онъ, я и Хилковскій, пошли осматривать мѣстность, чтобы оцѣнить годность ея подъ поселеніе. Такъ какъ Хилковскій въ дѣлѣ оцѣнки угодьевъ считался авторитетомъ, то и признано было генералъ-губернаторомъ, что лагерь, а въ будущемъ—и городъ, могутъ быть поставлены на равнинѣ. И хотя можно было опасаться, что она подвергается на-

водненіямъ при разливахъ, въ доказательство чего само собою приходило на умъ то обстоятельство, что китайцы оставили ее незаселенною, но какъ сотникъ Травинъ объявилъ, что въ этомъ году разливъ нигдѣ не распространялся на осмотрѣнную мѣстность, то я получилъ приказаніе разбить для пѣхоты и артиллерійскаго дивизіона лагерь. Войска, остановленныя-было мною противъ поста и командующихъ имъ уваловъ, сплыли версты на двѣ внизъ и приступили къ выгрузкѣ тяжестей и къ постройкѣ бараковъ, изъ двойной плетневой ограды съ промежуткомъ набитымъ землею.

Работа закипѣла. Немедленно, верстъ на десять вверхъ и внизъ по Амуру, былъ вырубленъ весь прибрежный тальникъ и началось изъ него сооруженіе плетней. Вѣтвямъ не давали даже увядать, и потому скоро замѣтили, что, по мѣрѣ того, какъ промежутки между плетнями наполняются землею, самые плетни начинаютъ прорастать и давать большія вѣтви внутрь и внаружу бараковъ, что не обѣщало благопріятныхъ условій для здоровья солдатъ. Но какъ баталіонныя начальства, имѣвшія въ своемъ распоряженіи лекарей, не жаловались на это обстоятельство и, напротивъ, говорили, что это всегда такъ бываетъ, то бараки безпрепятственно строились и покрывались тоже плетнемъ и слоемъ земли, съ зеленымъ дерномъ сверху. Строился еще домъ для будущаго начальника отряда и всего края; но это былъ домъ изъ дерева, даже вполнѣ сухаго, потому что зданіе перевезено было разобраннымъ изъ Бянкина, гдѣ уже служило жилищемъ бригадному командиру.

Лагерь возникалъ быстро и скоро принялъ опредѣленную форму. Въ немъ ежедневно игралась зоря и при этомъ дѣлался холостой выстрѣлъ изъ пушки. Какъ ни невинно было это послѣднее занятіе, но на китайцевъ оно наводило ужасъ. Жители деревни Амба-Сахалянъ разбѣгались при выстрѣлѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ насъ У-бошко или унтеръ-офицеръ китайской арміи, проживавшій почти безвыѣздно у насъ на посту, конечно—въ видѣ шпіона. Этотъ У-бошко былъ преоригинальная личность—философъ-наблюдатель, знавшій два языка, китайскій и маньчжурскій; онъ съ ученою важностью дѣлалъ какія-то замѣтки на одномъ изъ нихъ, конечно, для представленія ихъ начальству, но въ гораздо большей дружбѣ жилъ онъ съ на-

шими людьми, чѣмъ съ своими. Причина понятна. Патріотическому соглядатаю отъ насъ перепадала то плитка серебра рубля въ три, то серебряные часы рублей въ десять, то кусокъ синяго драдедаму на курму, то какой-нибудь другой подарочекъ. Все это онъ принималъ показывая на свою шею, на которую будто бы легко можетъ быть надѣта петля за дружбу съ нами; но все, особенно плитки, съ охотою пряталъ въ неизмѣримо глубокій и широкій карманъ. У него былъ небольшой, но хорошій компасъ, въ деревянной оправѣ, на которой имѣлись солнечные часы, устроенные какъ разъ для параллели 49°, подъ которою лежитъ Айгунъ. Когда я показывалъ ему свою буссоль, шмалькальдеровой системы, онъ хвалилъ ея отдѣлку, но находилъ, что мѣдь тутъ потрачена напрасно, что стрѣлка теряетъ часть чувствительности въ металлической оправѣ, что металлы ржавѣютъ и т. п. Откуда онъ почерпнулъ такія обширныя познанія въ физикѣ, я не знаю; но онъ чувствовалъ свою силу и относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ нашимъ солдатамъ и казакамъ, которые хотя компасъ и видали, но цѣнить свойствъ его не могли. У-бошко у себя дома пилъ просяную водку или майгалу, которая прескверно пахнетъ; вотъ почему, когда мы познакомили его съ европейскими спиртовыми напитками, онъ сталъ откровенно предпочитать ихъ отечественному, хотя никогда не напивался пьянымъ. Иногда онъ начиналъ хвастать величіемъ Небесной имперіи; но видъ заряженнаго ружья съ примкнутымъ штыкомъ, стоявшаго въ козлахъ, обыкновенно скоро возвращалъ ему смиреніе, и онъ замѣчалъ, что по части машинъ и оружія мы въ союзѣ съ чертями. Однажды, помнится—дней черезъ 6—7 послѣ нашего пріѣзда, онъ возвѣстилъ, что айгунскій амбань имѣетъ въ виду прислать къ намъ на постъ посольство, въ составѣ трехъ офицеровъ и множества солдатъ, на джонкахъ, для принесенія генералъ-губернатору поздравленія съ счастливымъ пріѣздомъ. Ему отвѣчали, что очень рады посламъ и потребовали ихъ списка для приготовленія каждому подарка по чину. Когда списокъ былъ доставленъ, Я. П. Шишмаревъ цѣлый день возился съ отмѣриваніемъ сукна, счетомъ плитокъ, раскладкою по коробочкамъ часовъ и т. п. Амбаню былъ приготовленъ большой кубокъ или кружка, изъ золоченаго серебра, и изъ надписи на этомъ сосудѣ я съ удивленіемъ увидѣлъ,

что онъ когда-то принадлежалъ Августу II, королю польскому, и, быть можетъ, наполнялся имъ виномъ при интимныхъ совѣщаніяхъ съ Петромъ Великимъ. Подарки вѣдь присылались изъ Петербурга, отъ Кабинета, и весьма естественно, что какой-нибудь «старый хламъ» оказывался тамъ на столько ненужнымъ, что его назначали къ ссылкѣ на Амуръ или въ Монголію.

Въ назначенный день и часъ посольство прибыло. Мы приготовились встрѣтить его съ возможною торжественностью; но надобно замѣтить, что это, при нашей обстановкѣ, было нелегко. Н. Н. Муравьевъ жилъ въ палаткѣ шаговъ въ семь длиною и столько же шириною, да еще и изъ нея часть была отдѣлена занавѣскою, за которою стояла кровать. Пріемная зала, стало быть, была необширна. Мы же съ Шишмаревымъ помѣщались въ такой низкой и темной землянкѣ, что только послѣ нѣкоторой практики я привыкъ въ ней разсматривать предметы и не получать синяковъ на головѣ отъ ударовъ о крышу и перекладины. Къ себѣ мы не могли бы принять съ нѣкоторымъ приличіемъ даже китайскаго прапорщика. И такъ, всѣ подлежавшіе пріему направились къ генералъ-губернаторской палаткѣ. Въ ней прямо противу входа стоялъ у стѣны диванчикъ, обитый ситцемъ, длиною аршина въ два. На немъ возсѣдалъ одинъ генералъ-губернаторъ. Налѣво отъ него, т. е. на мѣстахъ, по китайски, болѣе почетныхъ, были посажены я, Травинъ и Шишмаревъ, а три складные стула на правой сторонѣ были оставлены для китайцевъ. Когда они вошли, генералъ-губернаторъ приподнялся, дружески привѣтствовалъ ихъ и усадилъ по чинамъ. Esprit-fort посольства, былъ очевидно, маіоръ; но какъ онъ былъ малъ по чину, то впереди его былъ выставленъ амбанемъ гусайда, т. е. полковникъ, отличавшійся угрюмою молчаливостью. Почтенные послы поспѣшили высказать чувства самой теплой дружбы и уваженія отъ амбаня къ генералъ-губернатору и при этомъ объяснили, что амбань, желая засвидѣтельствовать ихъ вещественно, проситъ сдѣлать ему честь не отказать въ принятіи нѣкоторыхъ подарковъ. «Подарки эти,—прибавляли послы,—не богаты; но это лишь потому, что самъ амбань надавно въ должности и не успѣлъ разжиться». Къ этому спичу поясненіемъ явилась довольно крупная черная свинья, которую два бошко немедленно внесли въ палатку и положили передъ генералъ-губернаторомъ.

Свинья была съ связанными ногами, между которыми былъ продернутъ шестъ, на которомъ ее внесли; легкій намордникъ мѣшалъ ей громко визжать, но она всетаки издавала глухіе стоны, естественные въ ея положеніи. Хотя никто изъ насъ не былъ предупрежденъ о такомъ удивительномъ подаркѣ, но ни одинъ не позволилъ себѣ улыбнуться. За свиньею послѣдовали ящики съ конфектами изъ маковыхъ выжимокъ на касторовомъ маслѣ и мѣшокъ рису.—Это уже отъ самихъ пословъ [1]). Послѣ этой части аудіенціи началось угощеніе съ нашей стороны. Передъ генералъ-губернаторомъ на столикѣ были поставлены подносъ съ винными ягодами, миндальными орѣхами, изюмомъ и т. п., да бутылка краснаго вина. Китайцы и мы угощались съ полнымъ уваженіемъ къ величію обѣихъ дружественныхъ державъ, т. е. на правахъ совершеннаго равенства. Но вдругъ, плохо цивилизованный гусайда досталъ кисетъ, набилъ трубку и пожелалъ ее закурить. Это уже выходило изъ этикета, и генералъ-губернаторъ приказалъ немедленно подать трубки не только себѣ, но и намъ всѣмъ. Нужно замѣтить, что я и Травинъ не курили совсѣмъ; но тутъ принесли жертву на алтарь отечества, для поддержанія къ нему должнаго уваженія въ надменныхъ сынахъ Срединнаго царства.

Когда аудіенція кончилась, началось надѣленіе всего посольства подарками отъ имени генералъ-губернатора. Гусайда и маіоръ получили золотые часы, прапорщикъ-секретарь—серебряные; всѣ еще по нѣскольку аршинъ сукна на курмы; унтеръ-офицерамъ тоже давались сукна или плисъ и по двѣ плитки серебра, солдатамъ—по одной плиткѣ. Плутъ У-бошко и тутъ успѣлъ примазаться для полученія подарка, хотя онъ не принадлежалъ къ составу посольства. Китайцы отвалили отъ берега на своихъ джонкахъ совершенно довольные; мы тоже были очень довольны, потому что во все время аудіенціи послы и не заикнулись о томъ, что мы распоряжаемся на ихъ землѣ. Ясно было, что китайцы рѣшились не противиться водворенію нашему на

---

[1]) Принесеніе въ даръ свиньи и рису можно было, кажется, приписывать совѣтамъ У-бошко, который, ѣзжая къ намъ, давно замѣтилъ скромность нашихъ продовольственныхъ запасовъ. Впрочемъ, черная свинья, по китайски, есть дѣйствительно подарокъ почетный. М. В.

Амурѣ, а намъ больше ничего не было нужно отъ нихъ. Ясно было также, что цзянь-цзюнь Мур-фу-фу (генер-губ. Муравьевъ) внушаетъ имъ величайшій страхъ, а слѣдовательно, и уваженіе. Они даже явились передъ нами въ роли просителей, именно передали ходатайство амбаня запретить маіору въ лагерѣ стрѣлять вечеромъ изъ пушки, чтобы не пугать народъ. «Лучше бы даже было вовсе задвинуть ваши пушки въ сарай,— поясняли послы,—вѣдь вотъ у насъ въ Айгунѣ есть тридцать орудій, однако мы не показываемъ ихъ вамъ, чтобъ не пугать васъ напрасно». Нужны были весь навыкъ Николая Николаевича обращаться съ китайцами и все сознаніе нами торжественности момента, чтобы не хохотать отъ души.

Но если со стороны Китая дѣла наши шли хорошо, то со стороны Забайкалья извѣстія были неутѣшительны или, лучше сказать, не было никакихъ извѣстій. Ни о колонистахъ, ни о грузовой флотиліи Ушакова—ни слуху, ни духу, что очень безпокоило Н. Н-ча. Наконецъ, прибылъ адъютантъ его, Гвоздевъ, курьеромъ съ бумагами; онъ привезъ свѣдѣнія, что транспортъ Ушакова идетъ, но что плаваніе его совершается очень медленно, потому что барки построены нерацiонально, слишкомъ громоздки, тяжелы, глубоко сидятъ, неповоротливы; ихъ часто наноситъ на отмели, и сниманіе съ таковыхъ отнимаетъ много времени; иногда при этомъ нужно бываетъ ихъ разгружать. Это было явленіемъ страннымъ, потому что опытъ трехъ предыдущихъ навигацій достаточно показалъ, какія суда пригоднѣе всего для Амура. Конечно, слишкомъ мелкихъ строить было нельзя, потому что въ низовьяхъ рѣки бываютъ такія бури, какъ на морѣ, и мелкія лодки подвергаются опасности быть залитыми водою прежде, чѣмъ достигнутъ берега; но и излишне-громоздкія барки составляютъ затрудненіе, особенно когда на нихъ мало рабочихъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ. Возникъ вопросъ, кто строилъ барки? и оказалось, что корабельный инженеръ, капитанъ Б., который вскорѣ и подвернулся подъ руку, такъ какъ изящная его лодка, съ домикомъ и другими удобствами, прибыла одною изъ первыхъ. Капитану, человѣку очень набожному и потому иногда проводившему за молитвами время, которое могло бы быть употреблено на наблюденіе за постройками судовъ, сдѣланъ былъ нагоняй; онъ возражалъ, оправдывался, настойчиво

увѣрялъ, что строилъ барки такъ, какъ предписывала ему наука кораблестроенія, какъ онъ, спеціалистъ, знаетъ и понимаетъ... Ему замѣтили, что «мало ли какъ ограниченныя головы могутъ понимать; что, берясь за дѣло, имъ практически незнакомое, онѣ должны спрашивать совѣта у другихъ, людей опытныхъ», и т. п. Говоря откровенно, сцена этого распеканія, съ упоминаніемъ глупыхъ головъ, произвела на меня очень непріятное впечатлѣніе, но нужно сказать и то, что никто такъ много не помѣшалъ успѣшности сплава 1857 года, какъ капитанъ Б. Ему было все равно, какъ и когда дойдутъ въ Николаевскъ построенныя имъ барки; а между тѣмъ несчастные рабочіе на этихъ баркахъ, измученные во время сплава, должны были еще возвращаться вверхъ по Амуру въ самое непріятное время года, позднею осенью, и съ ними могла повториться исторія прошлаго года, хотя теперь число постовъ по Амуру и было значительно больше.

Вскорѣ за капитаномъ Б. явился на Усть-Зею другой виновникъ медленности отправленія амурскихъ грузовъ, титулярный совѣтникъ Ж., одинъ изъ тѣхъ трехъ интендантовъ, которые уже подверглись экзекуціи въ Шилкинскомъ заводѣ. Онъ тоже плылъ на прекрасномъ баркасѣ, съ удобствами, превышавшими комфортъ катеровъ генералъ-губернаторскаго и посланническаго. Ему, сколько помнится, дано было рекомендательное письмо къ адмиралу Казакевичу такого рода, что служба въ Николаевскѣ сдѣлалась для него невозможною...

Наконецъ, явился и самъ начальникъ сплава, почтенный А. М. Ушаковъ, усталый, почти разбитый нравственно, потому что онъ хорошо понималъ, какія вредныя послѣдствія можетъ имѣть запозданіе его экспедиціи, и зналъ, какъ близко принимаетъ къ сердцу успѣхъ порученнаго ему дѣла генералъ-губернаторъ. Н. Н-чъ долго и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ, ходя по берегу рѣки и глядя на проплывавшія суда. Въ добросовѣстномъ усердіи Ушакова сомнѣваться было нельзя; достаточно было взглянуть на этого человѣка, чтобъ видѣть, что онъ въ порученное ему дѣло вложилъ всю душу; но Н. Н-чъ, отпустивъ его, всетаки винилъ себя, что сдѣлалъ выборъ неудачный, не по характеру лица.

Почти одновременно съ начальникомъ сплава прибыла на Усть-Зею и самая курьезная часть его экспедиціи — баржа съ 60-ю ссыльно-каторжными женщинами, которыя отправлялись въ

Маріинскъ и Николаевскъ для поступленія въ тамошніе линейные баталіоны... прачками и кухарками. Строгій блюститель цѣломудрія, Ушаковъ поставилъ эту баржу на якорѣ, по срединѣ рѣки, и приказалъ отвязать лодки, помощью которыхъ интересный грузъ могъ бы сообщаться съ берегомъ. Но генералъ-губернаторъ смиловался надъ судьбою заключенныхъ въ этомъ пловучемъ острогѣ, и обитательницы его имѣли возможность выйти на берегъ и посѣтить не только постъ, но и лагерь, конечно, къ немалому удовольствію казаковъ и солдатъ, которыхъ нравы начинали уже грубѣть отъ отсутствія дамскаго общества. Я слышалъ потомъ, что и на постоянныхъ ихъ квартирахъ, въ казармахъ 15-го и 16-го баталіоновъ, онѣ производили то же благодѣтельное вліяніе и, подъ именемъ «тетенекъ», пріобрѣли общую привязанность солдатъ, для которыхъ стряпали и стирали бѣлье.

Такъ какъ и Ушаковъ не привезъ никакихъ извѣстій о движеніи колонистовъ, а между тѣмъ уже начинался іюль, то, чтобы ускорить постройку домовъ во вновь предположенныхъ селеніяхъ выше и ниже Усть-Зеи, рѣшено было немедленно отправить туда солдатъ съ рабочими инструментами. Люди 13-го баталіона, назначавшіеся къ возвращенію на зиму въ Шилкинскій заводъ, потянулись вверхъ по Амуру; часть 14-го баталіона — внизъ, на Бурею и къ Хингану. Съ послѣдними генералъ-губернаторъ приказалъ отправиться и Хилковскому, которому было написано, что «успѣшный ходъ колонизаціи возлагается на его опытность, благоразуміе и отвѣтственность». Этого послѣдняго Хилковскій не ожидалъ, потому что, не получая прямаго назначенія въ начальники вновь возникающей казачьей линіи, онъ полагалъ, что роль его—выбрать мѣсто подъ селенія, указать ихъ колонистамъ-казакамъ, и самому вернуться въ Цурукайту. Соотвѣтственно этому онъ и не увеличивалъ своего дорожнаго скарба, слишкомъ легкаго, чтобы съ нимъ проводить на Амурѣ не только зиму, но и осень. Съ отплытіемъ бо́льшей половины солдатъ, лагерь и постъ нашъ какъ бы опустѣли; жизнь становилась скучноватою, а для Н. Н. Муравьева просто мучительною, какъ по недостатку для него привычной дѣятельности, такъ и потому, что важнѣйшая задача его трудовъ нынѣшнимъ лѣтомъ—

успѣшное водвореніе колонистовъ—рѣшалась очень неудовлетворительно.

Среди этого тоскливаго положенія прибылъ изъ Иркутска второй курьеръ, Беклемишевъ. Онъ привезъ опредѣлительное извѣстіе, что колонисты идутъ, что въ нѣкоторыхъ верховыхъ станицахъ воздвигаются уже постройки; но что движеніе сплава потому медленно, что нужно останавливаться рано на ночлеги, чтобы выкормить скотъ, накосить для него травы на день и т. п. Всѣ подобныя обстоятельства, очевидно, можно было предвидѣть и принять противъ нихъ мѣры, напримѣръ, отдѣлить скотъ въ особый эшелонъ или отправить впередъ однихъ рабочихъ для скорѣйшаго возведенія зданій, а, главное, нужно было раньше выѣхать въ путь всѣмъ вообще. Припоминая увѣренія Хилковскаго, дѣланныя еще въ Усть-Стрѣлкѣ и ранѣе, что все устроено наилучшимъ образомъ, генералъ-губернаторъ начиналъ все болѣе и болѣе негодовать на него.

Беклемишевъ, между другими бумагами, привезъ одну любопытную, изъ Петербурга. Она касалась желѣзной дороги въ Забайкальѣ. Нужно замѣтить, что уже со втораго года нашего появленія на Амурѣ появились тамъ и американцы, которые смотрятъ на Тихій океанъ какъ на Средиземное море будущаго, а на впадающія въ него рѣки какъ на законные пути ихъ торговли. Они составили проектъ соединить желѣзною дорогою Амуръ съ Байкаломъ и такимъ образомъ экономически притянуть всю богатую Восточную Сибирь къ Тихому океану. Мысль великая, и которая рано или поздно осуществится; но янки мѣряли вещи слишкомъ американскимъ аршиномъ, полагая, что Амуръ, этотъ «азіатскій Миссисипи», такъ же быстро созрѣетъ въ экономическомъ отношеніи, какъ и большая американская рѣка съ ея долинсю. Въ Петербургѣ, вѣроятно, предвидѣли, что у насъ дѣла такъ скоро не дѣлаются, какъ гдѣ-нибудь въ Калифорніи, и приготовили янкамъ отказъ. Мотивами къ нему были выставлены разныя элементарныя свѣдѣнія изъ географіи, напримѣръ, что Восточная Сибирь слабо населена, а берега Амура не заселены и вовсе, что въ Забайкальѣ есть Яблоновый хребетъ, черезъ который дорога должна переходить, и т. п. Кромѣ того, прибавлялось, что американцы могутъ надуть насъ: распродать свои акціи въ Россіи и съ вырученными деньгами уѣхать домой, оставивъ насъ

не при чемъ. Я ужъ не помню другихъ доводовъ; но они были всѣ въ томъ же родѣ, такъ что, если бы внимать подобнымъ, то никогда не были бы сооружены ни суэзскій каналъ, ни тихоокеанская желѣзная дорога. За то заношу здѣсь, какъ историческій фактъ, слѣдующій любопытный отзывъ управлявшаго дѣлами сибирскаго комитета, статсъ-секретаря В. П. Буткова, данный имъ Беклемишеву при врученіи конверта: «Все это, что написалъ Чевкинъ — вздоръ; а сущность въ томъ, что намъ нельзя пустить американцевъ на Амуръ и въ Забайкалье. Они разовьютъ тамъ свои порядки, и Сибирь отвалится. Вы такъ и скажите объ этомъ Николаю Николаевичу».

Беклемишевъ и сказалъ.

Въ числѣ другихъ бумагъ, имъ привезенныхъ, были еще два письма изъ Кяхты. Однимъ, мѣстный купеческій старшина, столь извѣстный потомъ Петербургу, И. А. Носковъ, просилъ объ извѣщеніи, каковы вообще наши отношенія къ Китаю, не доходятъ-ли до войны, такъ какъ отъ этихъ отношеній будетъ зависѣть цѣна вымѣненнаго уже, т. е. русскаго, чая на предстоявшей нижегородской ярмаркѣ. Въ другомъ письмѣ мѣстный кяхтинскій литераторъ и либералъ на нѣсколькихъ почтовыхъ листахъ изображалъ печальное состояніе тогдашняго Китая, которое онъ наблюдалъ черезъ пограничную заставу въ Маймаченѣ. «Передъ нашими глазами,—писалъ онъ,—разыгрывается послѣдній, замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнетъ цѣлый міръ, и изъ-за видимыхъ развалинъ послѣдняго трудно разсмотрѣть будущее». Я тотчасъ узналъ по этой фразѣ о близкомъ знакомствѣ автора съ «Письмами объ изученіи природы» Искандера, и именно съ четвертымъ, въ которомъ рѣчь идетъ о паденіи Рима, но промолчалъ. Носкову было отвѣчено, что все спокойно, что отношенія наши съ Китаемъ самыя дружественныя; литераторъ, кажется, не получилъ никакого отвѣта на свои выспреннія соображенія, и мы только невинно посмѣялись надъ нимъ.

За Беклемишевымъ вскорѣ прибылъ третій курьеръ, сотникъ или есаулъ К., бывшій инженерный офицеръ, скромный какъ «красная дѣвушка». Онъ привезъ, между другими предметами, планъ предположенной Устьзейской станицы, очень изящно начерченный. Тутъ было все: и церковь, и больница, и дома разныхъ властей, и разныя канцеляріи, была даже, кажется, школа

(за это, впрочемъ, не ручаюсь); но проектъ, совершенно годный для сооруженія города на Семеновскомъ плацу или вообще гдѣ угодно, не подходилъ именно къ равнинѣ, на которой предполагалось его осуществить. Рѣки Зея и Амуръ дали почвѣ этой равнины совсѣмъ не то очертаніе горизонтальное и вертикальное, какое требовалось по проекту. И вотъ, чертежомъ полюбовались и свернули его, а первая, и до времени единственная, улица въ новой колоніи потянулась, даже не совсѣмъ по прямой линіи, вдоль гребня небольшой высоты, которую можно было почти съ увѣренностью считать незаливаемою весенними полноводіями, потому что на ней росли крупныя березовыя деревья. На высотѣ этой, еще до прибытія колонистовъ, основано было 18—20 домовъ по проекту капитана Дьяченко, который прежде служилъ въ южно-русскихъ военныхъ поселеніяхъ и былъ знакомъ съ возведеніемъ скороспѣлыхъ зданій. Мазанки эти, очень удобныя въ сухомъ климатѣ южной Россіи, оказались однако же слишкомъ прохладными въ суровой странѣ устьевъ Зеи. Предлагая ихъ, какъ легчайшія для исполненія, Дьяченко какъ бы забылъ, что еще 6-го іюня Зея была въ весеннемъ разливѣ и что лѣто и осень на Амурѣ дождливы, а зима отличается морозами и большими снѣгами. Мнѣ лѣтомъ пришлось видѣть эти дома послѣ зимовки въ нихъ населенія: наружный слой глины, которымъ былъ обмазанъ плетень, мѣстами обвалился совсѣмъ, и это, къ вящшему неудобству жителей, случилось именно зимою.

М. И. Венюковъ.

Женева, сентябрь 1878 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАСЕЛЕНІИ АМУРА

въ 1857—1858 гг.

II [1]).

Въ половинѣ іюля, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ нашего водворенія на устьяхъ Зеи, начали прибывать переселенцы. Впереди плыла буреинская сотня, которая должна была водвориться въ трехъ пунктахъ: на устьѣ Буреи, у входа Амура въ Хинганскія горы и въ какой нибудь промежуточной точкѣ между этими двумя стратегически важными мѣстностями. Такъ какъ не оставалось болѣе сомнѣнія, что и остальные переселенцы, именно устьзейская сотня, должны скоро прибыть на мѣсто своего водворенія, то генералъ-губернаторъ рѣшился немедленно возвратиться въ Иркутскъ. Меня же онъ послалъ осмотрѣть поселенія внизъ отъ Буреи, которыхъ самъ посѣтить не имѣлъ уже времени, а на возвратномъ пути оттуда въ Иркутскъ я долженъ былъ сдѣлать подобный же осмотръ и съемку мѣстностей во всѣхъ остальныхъ, возникшихъ въ 1857 году, станицахъ. Такимъ образомъ мы разстались на время. Я, съ четырьмя солдатами въ видѣ гребцовъ, отправился на небольшой лодкѣ, и черезъ два дни былъ на устьѣ Буреи, около того мѣста, гдѣ стоитъ теперешняя станица Скобельцина. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что чрезвычайно удобный для основанія поселка, покрытый дубравою холмъ, на которомъ нынѣ стоитъ это селеніе, не имѣетъ и признаковъ, чтобы на немъ или около него водворялись русскіе!... Встрѣтившіеся манегры, однако, разъяс-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 81—112.

нили въ чемъ дѣло: селеніе наше возникало не на устьѣ Буреи, а въ 26-ти верстахъ ниже оттуда. Туда я и отправился, держась неизмѣнно лѣваго берега Амура, чтобы не пропустить возникавшей колоніи, такъ какъ, съ одной стороны, манегры объяснили, что постройка возводится въ лѣсу, нѣсколько въ сторонѣ отъ берега, а съ другой—карта показывала, что тутъ есть острова, за которыми легко было бы не замѣтить ни построекъ, ни стоявшихъ у берега судовъ, если бы плыть по большому руслу.

Къ счастію, оказалось, что селеніе возникало въ такомъ мѣстѣ, гдѣ на Амурѣ нѣтъ острововъ. Рѣка течетъ тутъ однимъ русломъ и дѣлаетъ поворотъ, такъ что изъ построенной въ вершинѣ угла станицы открывается широкій видъ на оба колѣна, верховое и низовое. Съ эстетической точки зрѣнія, мѣсто было выбрано удачно; но озерца, попадавшіяся въ окрестномъ лѣсу и очевидно принадлежавшія къ такъ называемымъ старицамъ, т. е. остаткамъ прежняго русла Амура, заставляли опасаться, что мѣсто, выбранное подъ селеніе, низко и если не будетъ совершенно затопляемо во время полноводій, то легко можетъ обращаться въ болотистый островъ. Хилковскій, котораго я тутъ встрѣтилъ, былъ увѣренъ однако же въ противномъ, и я не знаю теперь, что въ дѣйствительности оправдалось: его ли оптимистическія предвидѣнія или мои, нѣсколько скептическія. На спросъ мой, отъ имени генералъ-губернатора: почему не возникло селенія на устьяхъ Буреи?—Хилковскій объяснилъ, что тамъ мало мѣста для ста дворовъ; оставлять же тамъ 25 семей, для которыхъ холмъ былъ достаточенъ, онъ не рѣшился, потому что это значило бы вмѣсто трехъ предположенныхъ деревень разселить буреинскую сотню въ четырехъ, на что у него не было инструкцій.

Пробывъ въ Нижнебуреинской или, какъ потомъ она была названа, Иннокентьевской станицѣ (въ честь перваго амурскаго архіерея, теперешняго московскаго митрополита, Иннокентія) около сутокъ, я отправился далѣе внизъ по Амуру. Окружающая его равнина, начавшаяся отъ самаго устья Зеи, была здѣсь еще роскошнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Айгуна. Я совершенно понялъ, почему казаки-переселенцы, когда спрашивали ихъ желанія относительно мѣста водворенія, всѣ желали на Бурею. Такихъ великолѣпныхъ угодьевъ для хозяина-земледѣльца, какъ между Зеею и Хинганомъ, мало въ цѣлой Россіи, а въ Сибири

и совсѣмъ нѣтъ. Особенно привлекательны мѣстности, сосѣднія Хингану. Когда я прибылъ въ станицу Хинганскую, теперь Пашкову, у входа Амура въ «щеки», т. е. въ ущелье, то довольство свое судьбою у мѣстныхъ казаковъ-поселенцевъ бросалось въ глаза. Они, только что прибывшіе, не упустили случая посадить нѣсколько овощей, которые надѣялись собрать осенью, потому что климатъ тутъ теплый, особенно по сравненію съ Даурскимъ нагорьемъ. Дубъ, вязъ, красная береза—служили строевымъ матеріаломъ для домовъ, живописно располагавшихся на возвышенномъ берегу рѣки, и работа по основанію колоніи кипѣла.

Недуренъ былъ также небольшой поселокъ, возникавшій въ пространствѣ между Хинганомъ и Иннокентьевскою станицею, у Халтана. Такъ какъ здѣсь берега Амура вообще невысоки, то за признакъ пригодности мѣста подъ селеніе было принято то обстоятельство, что тутъ уже жилъ одинокій китайскій фермеръ, обрабатывавшій поля и державшій скотъ. Я вступилъ, правда, при посредствѣ очень дурнаго переводчика, въ бесѣду съ этимъ піонеромъ китайской культуры на берегахъ Амура и немедленно узналъ, что онъ—сдлонъ, т. е. тунгузъ, а не китаецъ, и сосланъ на свое теперешнее мѣсто изъ-подъ Цицикара, куда, впрочемъ, не желалъ возвращаться, потому что и здѣсь было хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, ферма его показывала довольство. Онъ, очевидно, былъ не только хлѣбопашецъ и, разумѣется, рыбакъ, но и торгашъ, скупавшій у разбросанныхъ по окрестностямъ манегровъ шкурки соболей, которыя потомъ перепродавалъ китайскимъ купцамъ, наѣзжавшимъ по временамъ изъ Айгуна. Водвореніе въ сосѣдствѣ нашихъ казаковъ сильно пугало его. Онъ чувствовалъ, что время господства его надъ сосѣдними дикарями прошло, и хотя на первое время не могъ пожаловаться на убытки, продавая въ тридорога произведенія своего хозяйства нежеланнымъ сосѣдямъ, но видѣлъ, что этому счастью скоро настанетъ конецъ. Я спросилъ его: отчего китайцы не заселили сосѣднихъ мѣстностей ранѣе насъ? — «А оттого, что они были глупы»,—коротко отвѣтилъ даурскій пустынникъ. «Вотъ если бы здѣсь были наши деревни, какъ около Айгуна, вы бы, урусы, не пришли сюда селиться... А что, скажите, джангинъ (господинъ, чиновникъ),—продолжалъ онъ: насъ выгонятъ отсюда, т. е. съ лѣваго берега Амура, или позволятъ остаться? Вѣдь я не стану и полей засѣвать, если

мнѣ въ будущемъ году предстоитъ убраться изъ этого дома».— Я спросилъ его: а что тебѣ говорилъ мѣстный русскій начальникъ? «Онъ совѣтовалъ оставаться здѣсь, говоря, что вы, русскіе, никого не хотите прогонять».—Ну, такъ и оставайся спокойно. Старикъ просіялъ и принесъ мнѣ курицу, за которую я далъ ему полтинникъ, чѣмъ онъ, очевидно, былъ удивленъ, потому что китайскіе чиновники и солдаты, когда имъ приходилось посѣщать его ферму, брали все даромъ. Онъ вѣдь былъ земледѣлецъ—ссыльный, одинъ изъ тѣхъ, которымъ жизнь внѣ тюрьмы тѣмъ и была обусловлена, чтобы они обрабатывали землю и доставляли вмѣсто подати хлѣбъ на содержаніе солдатъ.

Разговоръ съ сѳлономъ, при всей его незначительности, произвелъ на меня впечатлѣніе. А что, въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, если бы китайцы заселили все теченіе Амура хоть такъ, какъ окрестности Айгуна, то есть въ двѣ линіи прибрежныхъ селеній, оставляя внутренность страны пустою? Вѣдь о «возсоединеніи» потеряннаго нами въ 1689 году не могло бы быть и рѣчи. А затѣмъ, что же бы могло быть создано изъ Сибири даже въ теченіе вѣковъ? Ничего, кромѣ мѣста ссылки, которое навсегда осталось бы внѣ всякаго историческаго движенія. Вѣдь не изъ портовъ же Охотскаго моря сносились бы мы съ южною Азіей, съ Китаемъ, съ Америкой.... Разумѣется, при этомъ я удивлялся «глупости» китайцевъ, такъ вѣрно названной своимъ именемъ со стороны моего собесѣдника, и не сомнѣвался ни минуты, что мы, представители цивилизаціи Запада, ничего подобнаго не повторимъ, что черезъ 10—15 лѣтъ по Амуру протянется «золотая цѣпь цвѣтущихъ колоній», какъ выражался одинъ изъ академическихъ профессоровъ, любившій высокій слогъ, И. П. Шульгинъ... Errare humanum est!...

Возвратясь съ Хингана на Бурею, т. е. въ Иннокентьевскую, я передалъ Хилковскому выраженіе неудовольствія генералъ-губернатора на медленность сплава колонистовъ, сдѣлавшую очевидно невозможнымъ «удобное» водвореніе ихъ на новыхъ мѣстахъ въ текущемъ году, и приказаніе ему самому остаться на Амурѣ на-зиму... Это, конечно, огорчило его; но, по видимому, онъ былъ уже предупрежденъ о своей участи, а равно и извѣщенъ о томъ, что Н. Н. Муравьевъ, принимая на Усть-Зеѣ тамошнихъ колонистовъ, наконецъ прибывшихъ туда послѣ моего

отъѣзда, произнесъ передъ ними рѣчь, не очень лестную для него, Хилковскаго.... Какъ быть! не всѣ находили на Амурѣ обѣтованную землю, въ которой осуществлялись надежды на быструю карьеру... Я забылъ еще сказать, что даже М. С. Корсаковъ, забайкальскій губернаторъ, родственникъ и любимецъ генералъ-губернатора, получилъ отъ него, еще до отъѣзда моего съ Зеи бумагу такого содержанія, что потомъ спрашивалъ меня: «а что, Николай Николаевичъ очень на меня сердился?» Бумага была на бланкѣ, за №, а не простое письмо, такъ что, по справедливости, спуску никому не было.

При обратномъ плаваніи съ Буреи на Зею, я держался суши, такъ что собственно плыла одна моя лодка, я же, съ топографомъ и однимъ солдатомъ, у котораго былъ въ рукахъ топоръ, шелъ берегомъ и даже большею частію вдали отъ рѣки, чтобы отыскать и намѣтить дорогу, которая была бы короче, чѣмъ вдоль по Амуру, который въ этихъ мѣстахъ дѣлаетъ многочисленныя извилины. Путь по высокой травѣ, выше человѣческаго роста, и по лѣсной чащѣ утомлялъ до послѣдней степени; жажда и голодъ мучили, и въ довершеніе всего, приходя на ночлегъ къ мѣсту, гдѣ, по условію, дожидала меня лодка, я не находилъ спокойствія отъ комаровъ, которые не давали спать всю ночь. Четверо сутокъ продолжалось подобное мученіе; наконецъ, мы завидѣли китайскія деревни, предшествующія Айгуну, и могли нѣсколько успокоиться. Здѣсь дорога была уже проторена, можно было плыть, хотя комары и слѣпни такъ же свирѣпо нападали на насъ въ лодкѣ, какъ и на берегу.

На Усть-Зеѣ, разумѣется, все обстояло благополучно, какъ сочли нужнымъ сообщить мнѣ мѣстныя власти для доклада генералъ-губернатору. И въ самомъ дѣлѣ, домъ начальника отряда былъ готовъ и даже меблированъ; около него воздвигались кухни и другія dépendances, какъ говорятъ французы. Лагерь солдатъ зеленѣлъ издали вѣтвями тальника, выросшаго изъ стѣнъ бараковъ. На прокормленіе баталіоннаго скота было заготовлено къ зимѣ не только сѣно, но и овесъ, который покупался у китайцевъ по баснословно дешевымъ цѣнамъ, что-то 5—10 копѣекъ за пудъ. Только число казачьихъ домовъ росло медленно или, точнѣе сказать, оставалось неизмѣннымъ съ половины іюля, хотя на дворѣ былъ и августъ. Видно было, что съ отъѣздомъ генералъ-губер-

натора центръ тяжести всего амурскаго дѣла на этотъ годъ перешелъ изъ жилищъ колонистовъ, составлявшихъ предметъ особыхъ заботъ Николая Николаевича, въ баталіонные цейхгаузы. Меня это не удивило, но всетаки разсердило, и на прощаньи съ Усть-Зеею мнѣ даже пришлось побраниться кое съ кѣмъ изъ-за устанавливавшихся тамъ порядковъ.

Нужно-ли говорить, что у стѣсненныхъ въ помѣщеніи казаковъ-поселенцевъ въ слѣдующую зиму была сильная смертность, особливо между дѣтьми? Тотъ рай, о которомъ они мечтали, собираясь на Амуръ, для многихъ изъ нихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи туда обратился въ могилу.

На Усть-Зеѣ я надѣялся найти пароходъ, который бы могъ меня доставить вверхъ по Амуру въ гораздо кратчайшее время, чѣмъ лодка, поднимаемая бичевою. Но пароходовъ не оказалось. А нужно замѣтить, что ихъ было въ это время два: «Амуръ» и «Лена». Послѣдняя еще въ первой половинѣ іюня прибыла изъ Николаевска и немало содѣйствовала намъ въ произведеніи на китайцевъ впечатлѣнія силы, могущества Россіи. Потомъ она была отправлена вверхъ по рѣкѣ до Шилкинскаго завода, но ходила такъ медленно, что, по возвращеніи на Усть-Зею, вызвала цѣлую бурю генералъ-губернатора противу капитана. Послѣдній, капитанъ-лейтенантъ Сухомлинъ, былъ, вѣроятно, хорошій морякъ, но при плаваніи по рѣкѣ оказался болѣе осторожнымъ, чѣмъ позволяли обстоятельства. Онъ всякій вечеръ останавливался на якорь и стоялъ до утра; онъ плавалъ медленно, чтобы не въѣхать гдѣ нибудь на мель съ-разлета. Результатомъ было запозданіе его на Усть-Зею и та буря, о которой я сейчасъ упомянулъ. Генералъ-губернаторъ отрѣшилъ его отъ командованія пароходомъ и далъ такую гонку, что у бѣднаго Сухомлина сдѣлалась истерика и пошла горломъ кровь. Я засталъ его на Усть-Зеѣ какъ-бы въ заточеніи, въ ссылкѣ, больнымъ, желтымъ и немогшимъ говорить о генералъ-губернаторѣ иначе какъ съ чувствомъ непримиримой ненависти. Очень многіе ему сочувствовали.

Что касается парохода «Амуръ» и его капитана, Болтина то они были счастливѣе. По прибытіи изъ Николаевска на Усть-Зею въ концѣ іюня, они были отправлены на низовья рѣки, гдѣ и плавали какъ хотѣли, безъ понужденій и гонокъ, до самаго конца навигаціи. Но осенью и съ «Амуромъ» случился грѣхъ:

онъ сѣлъ на мель въ усурійскомъ протокѣ и, за постепенною убылью водъ долженъ, былъ остаться тамъ на зимовку. Командиръ принялъ мѣры, чтобы судно его не затерло льдомъ при весеннемъ вскрытіи рѣки, т. е. онъ вбилъ кругомъ парохода нѣсколько свай. Но какъ въ усурійскомъ протокѣ жить было скучновато, то Болтинъ бросилъ свое судно и отправился въ Иркутскъ, чтобы... жениться! Дѣло устроилось какъ нельзя лучше. Черезъ недѣлю по прибытіи, онъ сдѣлалъ предложеніе лучшей иркутской красавицѣ, а черезъ двѣ женился. Это было совершенно по амурски. Въ Иркутскѣ вѣдь не разъ женили амурцевъ, правда — матросовъ и кочегаровъ, на совершенно незнакомыхъ имъ женщинахъ въ день или въ два, даже Великимъ постомъ. Былъ даже случай, что офицеръ просто изъ-подъ вѣнца съ молодою женою отправился на кругобайкальскую дорогу, которая тогда была не экипажною, а верховою.....

Парохода «Лены», какъ я сказалъ, не было уже на Усть-Зеѣ, когда я прибылъ туда. Онъ, подъ командою штурманскаго подпоручика Моисеева, отправился снова вверхъ по Амуру и первоначально везъ Н. Н. Муравьева съ его маленькою свитою. Но гдѣ-то въ окрестностяхъ Албазина онъ сталъ на мель, и генералъ-губернаторъ, не желая медлить, отправился далѣе на лодкахъ, бичевою. На этотъ разъ даже не было катера съ построеннымъ на немъ домикомъ, а простая лодка, на которой примостили кое-какой навѣсъ изъ досокъ или изъ лубка, подъ которымъ нельзя было стоять, а только сидѣть и лежать... На Амурѣ вообще не знали той среднеазіатской пышности, которая сдѣлалась модною со времени покоренія Ташкента; тамъ уважалось только дѣло и самоотверженная ему преданность, а мишура, фейерверки, колокольный звонъ—въ каждомъ амурцѣ способны были вызывать лишь презрѣніе и насмѣшки.

Такъ какъ на скорое возвращеніе «Лены» въ Усть-Зею не могло быть ни малѣйшей надежды, «Амуръ» же еще въ іюнѣ отправленъ былъ назадъ въ Николаевскъ, то и мнѣ предстояло сдѣлать переѣздъ, да еще въ цѣлую тысячу верстъ, бичевою. Дрянная лодчонка, которую мнѣ дали въ Усть-Зеѣ, не вмѣщала подъ своимъ лубочнымъ навѣсовъ двухъ; оттого я и топографъ, меня сопровождавшій, были до крайности стѣснены. Еще хорошо было, если мѣста ночлеговъ приходились около вновь возникав-

шихъ селеній: тогда одинъ изъ насъ уходилъ спать на берегъ, въ какой-нибудь шалашъ. Но это случалось очень рѣдко. Обыкновенно для отдыха солдатъ-гребцовъ мы останавливались тамъ, гдѣ заставала ночь, т. е. часъ десятый вечера, и пристраивались на ночлегъ какъ кто зналъ. На-утро, часа въ три, мы просыпались и шли далѣе, при чемъ на лодкѣ, въ особомъ котелкѣ на глиняномъ очагѣ, варился чай, сначала для солдатъ кирпичный, потомъ для меня съ топографомъ—обыкновенный. Изъ другой провизіи у насъ было немного сушенаго мяса и ячныхъ крупъ, изъ которыхъ мы варили обѣдъ, изо дня въ день одинъ и тотъ-же и поѣдаемый съ одними и тѣми же сухарями, которые не слѣдовало разсматривать въ микроскопъ, особенно тамъ, гдѣ они позеленѣли. Такъ какъ былъ августъ, и ночи становились холодными, а ни у меня, ни у топографа мѣховой одежды не было, то мы часто дрогли; но молодость, чувство свободы, сознаніе величія дѣла—заставляли все переносить не только безропотно, но даже безъ малѣйшей мысли о недовольствѣ... Я много работалъ потомъ, одинъ и вмѣстѣ съ другими, на разныхъ далекихъ окраинахъ Россіи, въ Небесныхъ горахъ, на Кавказѣ, въ Польшѣ; но ничего подобнаго той общей преданности дѣлу, какъ на Амурѣ,—говорю по совѣсти,—не видалъ, и если эта преданность есть залогъ успѣха дѣла, если вдохнуть ее въ сотрудниковъ есть высшее достоинство вождя, то заслуга Н. Н. Муравьева передъ Россіею неизмѣримо велика. Многіе ли бы въ состояніи были сдѣлать то, что̀ совершилъ онъ, съ личнымъ составомъ помощниковъ до смѣшнаго малымъ, но дѣлавшимъ многое, во всю мощь нервовъ и мускуловъ?

Первый же переѣздъ отъ Усть-Зеи до Нарасуна, или теперешней станицы Бибиковой, около шестидесяти верстъ, мы совершили съ небольшимъ въ сутки, и по прибытіи во вновь водворявшееся селеніе немедленно занялись съемкою его окрестностей. Потомъ я осмотрѣлъ работы и разспросилъ у распоряжавшагося ими лица о планѣ дальнѣйшаго ихъ производства. Оказалось, что къ зимѣ можно выстроить лишь такое число домовъ, которое втрое меньше числа семей. Плохо! но все-же лучше, чѣмъ на Усть-Зеѣ, гдѣ одинъ домъ приходился на 4—5 семействъ. На разспросы мои о хозяйственныхъ удобствахъ мѣста водворенія переселенцы отвѣчали, что они угодьями довольны, но что на

Буреѣ было-бы не въ примѣръ лучше. Кто имъ наговорилъ о Буреѣ—не знаю, но замѣчу, что на всемъ верхнемъ Амурѣ отзывъ о ней былъ тотъ же. Такая-молъ сторонка, что тамъ рѣки текутъ медовою сытою, въ кисельныхъ берегахъ: бери ложку и ѣшь! Я старался разувѣрить переселенцевъ, говоря, что, конечно, на Буреѣ мѣста хорошія, много поемныхъ луговъ и проч.; но за то немало болотъ и нѣтъ такого отличнаго строеваго лѣса, какъ у нихъ. Они молчали, стало быть, вопреки пословицѣ, не соглашались. На Улусѣ-Модонѣ, т. е. въ знаменитой кривулѣ, имѣющей фигуру цифры 8 или рукописнаго глаголя, та же исторія. Опять домовъ гораздо меньше, чѣмъ семей, опять толки о Буреѣ; но тутъ, для разнообразія, деревня раздѣлена на два поселка, домика въ 3—4 каждый, при чемъ одни построены на южной сторонѣ русскаго полуострова, а другіе на сѣверной, верстахъ въ трехъ отъ первыхъ. Строеваго лѣсу тутъ изобиліе; солдаты, помогавшіе казакамъ въ постройкѣ зданій, гнали изъ хвойныхъ деревьевъ смолу. Спрашиваю казаковъ: довольны-ли мѣстомъ? Отвѣчаютъ: «ничего, мѣсто просторное, только луговъ вовсе нѣтъ и пасти скота негдѣ, а въ лѣсу много звѣрья; чуть выпустишь овцу или теленка, анъ глядишь—тутъ и волкъ. Сѣно-то на зиму косили внизъ по рѣкѣ верстъ за пять, ну, а гонять туда скотъ неспособно. Да и китайцы съ караула, чтобъ имъ пусто было, не пущаютъ туда; говорятъ, самимъ луга нужны. Вы бы, ваше благородіе, приказали имъ уйти въ Айгунъ. Они вѣдь знаютъ, что вы отъ генералъ-губернатора, а его они смерть боятся».—Я, разумѣется, не могъ удовлетворить послѣдней просьбѣ, но утѣшалъ тѣмъ, что на будущій годъ всѣхъ китайцевъ прогонятъ съ лѣваго берега Амура, а до тѣхъ поръ совѣтовалъ жить съ ними въ дружбѣ. Казаки однако видимо не надѣялись на такую дружбу. Это вѣдь были забайкальскіе охотники, которые видѣли въ китайскихъ или, точнѣе, въ маньчжурскихъ солдатахъ соперниковъ по промыслу за бѣлкой, лисицами, соболями и др. «Вишь у ихняго джангина что напасено мѣховъ: страсть! И сами охотятся, и отъ орочонъ скупаютъ за пустяки».

Хотя былъ вечеръ, мы не остались на Улусѣ-Модонѣ ночевать, а поднялись еще версты на четыре по Амуру. Ночь была очень свѣжа, и какъ мы пересѣкли у Улуса-Модона тотъ кряжъ, который на картахъ извѣстенъ подъ именемъ Ихури-алиня и

который нѣсколько защищаетъ приэейскія мѣстности отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, то эти вѣтры отнынѣ начали давать намъ себя чувствовать. Это большое неудобство для амурскаго парусnаго, да и всякаго другаго судоходства, что осенью, т. е. когда суда идутъ обыкновенно вверхъ по рѣкѣ, они встрѣчаютъ противный имъ, верховой, т. е. сѣверо-западный вѣтеръ. Нигдѣ нельзя поставить парусъ, чтобы облегчить работу людей, тянущихъ лодку, или даже совсѣмъ усадить ихъ въ послѣднюю. Въ довершеніе всего, рѣка тутъ становится быстрѣе отъ болѣе крутаго паденія ложа. Лодка постоянно «поетъ», бичева натянута какъ струнка и рулевому нельзя зѣвать, потому что иначе носъ отвернетъ теченіемъ въ сторону и лодку отброситъ, а то, пожалуй, и опрокинетъ. Между Улусомъ-Модономъ и Кумарою особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто, гдѣ съ праваго берега выдалась въ рѣку скала, изъ-за которой вода стремится съ большою силою. Нерѣдко у лодокъ бичева тутъ обрывается, и ихъ самихъ несетъ потомъ съ полверсты по теченію, не смотря ни на какія усилія гребцовъ. Этотъ «быкъ» (скала) и водоворотъ, около него образующійся, составляютъ, по моему мнѣнію, самое трудное мѣсто на Амурѣ для плавающихъ, впрочемъ только для низовыхъ, потому что тѣ, которые плывутъ сверху, напротивъ, только выигрываютъ отъ быстроты теченія рѣки.

На Кумарѣ, т. е., точнѣе, въ небольшой узкой долинѣ лѣваго берега Амура, противъ устья Кумары, гдѣ строилась станица Кумарская, я нашелъ командовавшаго 13-мъ баталіономъ капитана Дьяченку. Это былъ одинъ изъ наиболѣе энергическихъ дѣятелей по дѣлу заселенія Амура. Спокойный, ровный характеръ, распорядительность, умѣлость обходиться съ солдатами и казаками, съ начальствами китайскими и своими—доставили ему общее уваженіе амурцевъ. И у него въ станицѣ постройки шли живо, а число домовъ было значительнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ показалъ мнѣ собственноручный приказъ Н. Н. Муравьева о времени и порядкѣ возвращенія 13-го баталіона въ Шилкинскій заводъ. Приказъ этотъ былъ написанъ на полулистѣ бумаги, и на немъ, сверхъ мѣсяца и числа, стояло: «пароходъ Лена, на мели»—вмѣсто Иркутска или такой-то станицы, т. е. вообще въ замѣнъ обозначенія мѣстности, гдѣ состоялся приказъ. «Видите, какъ у генералъ-губернатора накипѣло сердце противу моряковъ: онъ не утерпѣлъ

чтобы не прибавить словъ «на мели»,—замѣтилъ, улыбаясь, Дьяченко. «И я думаю,—продолжалъ онъ,—что если бы это не была официальная бумага, то Николай Николаевичъ написалъ бы «разумѣется на мели».—И готовъ былъ раздѣлить это мнѣніе. Приказъ былъ отданъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ генералъ-губернатору пришлось промѣнять пароходъ на лодку съ досчатымъ навѣсомъ, о которой я уже упомянулъ выше.

Плаваніе отъ Кумары до Албазина, гдѣ Амуръ часто разбивается на протоки, иногда очень мелкіе, а иногда, въ мелководіе, и совсѣмъ глухіе съ верхнихъ концовъ, было очень непріятно, тѣмъ болѣе, что дни становились все короче, и вечеромъ трудно было идти позднѣе 8-ми часовъ изъ опасенія не различить главнаго русла отъ какого нибудь рукава и попасть въ такой, изъ котораго былъ одинъ выходъ—назадъ. Холода по ночамъ тоже донимали, такъ что единственнымъ утѣшеніемъ было отсутствіе комаровъ и слѣпней, которые быстро исчезли при началѣ свѣжей погоды. Гребцовъ мнѣ приходилось мѣнять на постахъ и селеніяхъ, и это было также немалое неудобство. Пока ихъ разыщутъ, пока они соберутся, а время уходитъ. На одномъ постѣ начальникъ, какой-то урядникъ, и вовсе было отказалъ въ гребцахъ, такъ что я долженъ былъ постращать его арестомъ. И мнѣ говорили многіе изъ посѣщавшихъ въ то время Амуръ, что съ ними случалось то же, такъ что ѣзда, даже курьерская, не отличалась скоростью. Почему съ перваго же года водворенія русскихъ селеній на Амурѣ не были тамъ устроены хоть небольшія почтовыя станціи, этого я не понималъ тогда, да не понимаю и теперь. Возка почты и курьеровъ была возложена на жителей, которыхъ это отрывало отъ работъ по устройству хозяйства и, слѣдовательно, раззоряло, а я не думаю, чтобы основывать колоніи съ перваго дня раззоренныя могло быть цѣлью заботъ государства. Поправлять ихъ, и поправлять сугубыми жертвами, пришлось потомъ тому же государству. Такъ не лучше ли было съ самаго начала устранить причину раззоренія? Будь на каждомъ посту хоть по три лошади и по три человѣка, это дало бы возможность возить почту и курьеровъ—если не верхомъ, то бичевою на лодкахъ, гораздо скорѣе чѣмъ на людяхъ бичевою же. Да и немедленно были бы набиты вдоль береговъ кратчайшія тропинки отъ одного селенія къ другому, а у самой рѣки хоть какіе ни-

будь бичевники. Тамъ, гдѣ бичевника на нашемъ берегу безъ работъ было сдѣлать нельзя, лошади могли бы объѣзжать скалы по самымъ увалamъ.

Впрочемъ, тайна этого неурядья довольно проста: не было денегъ. Вѣдь амурскіе расходы были въ то время еще не государственными расходами, а собственно сибирскими или даже только восточно-сибирскими. Генералъ-губернатору предоставлено было экономничать по разнымъ штатнымъ и вообще смѣтнымъ расходамъ и сдѣланныя сбереженія обращать въ «амурскій капиталъ», изъ котораго и производились расходы по амурскимъ экспедиціямъ. Очевидно, что со страны, въ которой было всего 1.000,000 населенія, большихъ экономій сдѣлать было нельзя, а отсюда естественно вытекала скупость въ расходованіи амурскаго капитала. Кажется, что весь онъ въ 1857 году состоялъ изъ 400,000 рублей, а впереди предстояли большіе экстренные расходы по колонизаціи слѣдующаго года. Вотъ и причина, что почтъ, даже въ самомъ зачаточномъ состояніи, учреждать было не на что. Но, впрочемъ, и тутъ, по моему мнѣнію, можно было извернуться, чтобы не раззорить возникавшихъ колоній. Слѣдовало назначить высокую прогонную плату съ версты и лошади или гребца и заставлять проѣзжихъ чиновниковъ выплачивать эти прогоны, выдавая имъ таковые изъ казны... Впрочемъ, что толковать о вчерашнемъ днѣ? прошлаго не воротишь, и если я говорю здѣсь объ этомъ предметѣ, то собственно для того, чтобы объяснить, почему амурская колонизація не вышла такою блестящею, какъ можно было ожидать по естественнымъ богатствамъ страны.

На одномъ изъ промежуточныхъ пунктовъ между Кумарою и Албазиномъ мнѣ пришлось въ-очію познакомиться и съ другою причиною того же неуспѣха великаго амурскаго дѣла, причиною, быть можетъ, еще болѣе важною, чѣмъ недостатокъ денегъ. Разумѣю страшный произволъ во всемъ казачьихъ начальствъ. Это давно извѣстно каждому образованному человѣку, что военная дисциплина хороша только во фронтѣ и въ отношеніяхъ чисто служебныхъ; тутъ исполненіе даже видимо нелѣпаго распоряженія старшаго есть безусловная необходимость. Но въ сферѣ экономической, какъ и въ умственной, деспотизмъ есть нелѣпость, ничѣмъ неизвиняемая. Между тѣмъ, что же было на Амурѣ? Вотъ одинъ сотникъ, получивъ въ свое управленіе вновь возни-

кающую станицу, селитъ ее не при Амурѣ, а далеко въ сторонѣ, подъ горою, какъ что занятіе рыболовствомъ, самое естественное для жителя береговъ большой рѣки, становится дѣломъ весьма труднымъ, сопряженнымъ съ потерею значительнаго времени. Мало того, поселокъ свой онъ строитъ на болотистой почвѣ и у гнилаго озерца, одной изъ «старицъ» Амура, стало быть, въ мѣстности гигіенически невыгодной. Генералъ-губернаторъ дѣлаетъ ему замѣчаніе, говоритъ ему даже, что онъ поступилъ какъ азіатъ-охотникъ, которому дороже всего быть поближе къ лѣсу и къ ловушкамъ на звѣря. Но что будете дѣлать? Деревня строится, она построена тамъ, гдѣ пожелалъ сотникъ-звѣроловъ. На вопросъ мой казакамъ: довольны ли они своимъ мѣстомъ? я получаю въ отвѣтъ: «помилуйте, ваше благородіе, развѣ можно быть довольнымъ болотомъ?» Не знаю, какова была дальнѣйшая судьба этого поселка; но, вѣроятно, его перенесли, на что, конечно, требовались и время, и деньги, и трудъ, разумѣется, самихъ казаковъ.

Да мало-ли на чемъ не отзывался съ страшною невыгодою военный деспотизмъ, введенный вмѣстѣ съ казачествомъ на Амурѣ. Казакъ хочетъ развести свой огородъ, вотъ тамъ-то: нельзя! Онъ думаетъ уладить свой домъ и дворъ, вотъ такъ-то: нельзя! Онъ собирается на нѣсколько дней въ лѣсъ на охоту: нельзя! Служба требуетъ пребыванія дома. Онъ хочетъ съѣздить въ сосѣднюю станицу, чтобы повыгоднѣе продать пушнину, за которую мѣстный кулакъ — станичный начальникъ даетъ очень мало: для отлучки нужно спроситься у того же станичнаго начальника, и тотъ, разумѣется, говоритъ: нельзя!... Словомъ, чтобы не быть слишкомъ многорѣчивымъ на эту тему, разскажу одинъ фактъ, сообщенный мнѣ въ 1868 г. въ Иркутскѣ бывшимъ начальникомъ штаба восточно-сибирскаго военнаго округа, Б. К. Кукелемъ, въ присутствіи по крайней мѣрѣ 20-ти человѣкъ. Военный губернаторъ Амурской области, г. Педашенко, однажды вздумалъ посѣтить старовѣрческія или раскольничьи селенія, возникшія на призейской равнинѣ, верстахъ въ 50-ти, во 100 отъ Амура, и нашелъ ихъ цвѣтущими уже на второй или на третій годъ существованія. «Славно вы живете, братцы,—говорилъ онъ крестьянамъ,—гораздо лучше чѣмъ казаки, даромъ что у нихъ Амуръ подъ бокомъ. Отчего бы эта разница?» — «А, батюшка,

ваше превосходительство, оттого, что мы отъ начальства подальше»... Какая горькая иронія въ этомъ простодушномъ отвѣтѣ!

Чѣмъ далѣе я подвигался вверхъ по Амуру, тѣмъ постройки въ новыхъ станицахъ были лучше, потому что вездѣ былъ вокругъ прекрасный строевой лѣсъ. Но другія хозяйственныя условія представляли мало утѣшительнаго. Огородовъ было разработано мало, полей поднято еще менѣе. Впрочемъ, на верхнемъ Амурѣ озимыя поля едва-ли и теперь въ употребленіи; тамъ, какъ и въ большей части Сибири, кажется, сѣютъ только яровой хлѣбъ. Скота у поселенцевъ немного, лошадей въ особенности, хотя это были конные казаки. На послѣднее обстоятельство я невольно обратилъ вниманіе, и меня поразила при этомъ мысль: зачѣмъ это въ гористой и лѣсистой Дауріи мы водворили конницу? Употреблять ее здѣсь некуда, потому что край—пустыня, безъ всякихъ дорогъ; отправлять на службу внизъ по Амуру неудобно, а въ нѣкоторыя времена года даже просто невозможно; движеніе къ Цицикару или хоть къ Мергеню—немыслимо. Вотъ если бы конные казаки водворились на среднемъ Амурѣ, отъ Хингана до Усури, то они, вмѣстѣ съ тѣми, которые водворились между Зеею и Хинганомъ, могли бы составить хорошую кавалерію, потому что превосходныя луговыя равнины въ этихъ мѣстахъ даютъ возможность держать многочисленные табуны лошадей. Но случилось на дѣлѣ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, совершенно противное: среднеамурская низменность занята казаками пѣшими, а горная страна внизъ отъ Усть-Стрѣлки—конными.

Въ Албазинѣ я нашелъ жилые дома уже оконченными и населенными, и то же было въ поселкахъ выше его по Амуру. Число домовъ, правда, было повсюду меньше числа семей; но важно было уже то, что всѣ люди проводятъ ночи подъ кровомъ, а не на воздухѣ или въ шалашахъ, продуваемыхъ вѣтромъ. Погода становилась все холоднѣе, а ночью начинались морозцы, отъ которыхъ листъ на немногочисленныхъ здѣсь нехвойныхъ деревьяхъ желтѣлъ и опадалъ. Казаки ждали болѣе глубокой осени и перваго снѣга, чтобы разойтись по лѣсамъ на охоту, а тѣмъ временемъ дѣлали загороди около домовъ, возводили кое-какія домашнія пристройки, ловили рыбу. Послѣдній промыселъ велся совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Забайкальѣ, то-есть ставились снасти изъ простыхъ жердей съ привязанными къ

нимъ на веревочкахъ толстыми желѣзными крючками или удочками, безъ всякой приманки. И рыба ловилась: такъ ея было *много*! Иногда перегораживали легкими сваями какую нибудь небольшую рѣчку, впадавшую въ Амуръ, и тогда ниже изгороди, въ небольшомъ омутѣ, скоплялось множество мелкой рыбы, которую ѣли безотлагательно, тогда какъ крупныя породы, пойманныя въ самомъ Амурѣ, частію солились и шли въ прокъ. Замѣчу, что, однако, ни въ 1857, ни въ 1858 году нельзя было купить на верхнемъ Амурѣ порядочной соленой рыбы, тогда какъ на низовьяхъ, около Маріинска, приготовлялись хорошіе балыки, и еще кѣмъ? — солдатами!

Въ Усть-Стрѣлкѣ я разстался съ Амуромъ, чтобы увидать его не раньше, какъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Молодцы усть-стрѣлочные казаки повезли мою лодку по Шилкѣ съ быстротою, отъ которой я уже давно отвыкъ на Амурѣ, гдѣ въ послѣдніе дни едва успѣвалъ дѣлать по 30-ти верстъ въ сутки. Бросивъ послѣдній взглядъ на великую рѣку, я засѣлъ, согнувшись, подъ лубочный навѣсъ, и сталъ писать отчетъ о видѣнномъ, для представленія его генералъ-губернатору по пріѣздѣ въ Иркутскъ. Топографъ Жилейщиковъ приводилъ тѣмъ временемъ въ порядокъ наши общія съемки, и незамѣтно пролетѣли три дня, при концѣ которыхъ лодка моя снова стояла передъ домомъ Скобельцина въ Горбицѣ, какъ три мѣсяца тому назадъ. Такимъ образомъ поѣздка моя «за границу» окончилась, и я пользуюсь этимъ окончаніемъ, чтобы сказать, что же именно было сдѣлано лѣтомъ 1857 года для заселенія Амура.

Казачьи станицы возникли въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. При устьѣ р. Игнашиной въ Амуръ, въ 63-хъ верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, теперешняя станица Игнашина.

2. При устьѣ р. Ольдоя, въ 27-ми верстахъ ниже предыдущей; теперь называется Сгибневой, въ память А. С. Сгибнева, командира «Аргуни», перваго на Амурѣ парохода.

3. Противу устья Албазихи, на мѣстѣ бывшаго городка Албазина—Албазинская станица, нынѣ одно изъ значительнѣйшихъ селеній на верхнемъ Амурѣ. Отъ предыдущей 83 версты.

4. Противу устья Панги, теперешняя станица Бейтоновская, въ память извѣстнаго героя XVII вѣка, Бейтона. Отъ Албазина 39 верстъ.

5. На устьѣ Буринды, теперешняя станица Толбузина; 78 верстъ.

6. Близь устья рѣчки Бусуни, Ольгинская; 53 версты.

7. На Анганѣ—Кузнецова, въ честь купца Кузнецова, жертвователя на первую амурскую экспедицію; 63 версты.

8. На Унми—Аносова, въ честь горнаго инженера, составившаго первое описаніе Амура въ 1854 г. и потомъ извѣствато своими геогностическими изысканіями въ Амурскомъ краѣ; 75 верстъ.

9. Противу устья Кумары, большая станица Кумарская; 87 верстъ.

10. На Улусѣ-Модонѣ два небольшіе поселка, нынѣ называемые Казакевичевымъ и Корсаковымъ, въ честь М. С. Корсакова и П. В. Казакевича, теперешняго кронштадтскаго военнаго губернатора, а въ 1857 г. губернатора Приморской области. Послѣдній отъ Кумары по рѣкѣ 69 верстъ.

11. На урочищѣ Нарасунъ—станица Бибикова, въ честь бывшаго спутника Н. Н. Муравьева въ его первой экспедиціи на Амурѣ, г. Бибикова; 66 верстъ.

12. При устьѣ Зеи, станица Усть-Зейская, нынѣ городъ Благовѣщенскъ; 75 верстъ, а отъ Усть-Стрѣлки 778.

13. Въ 26-ти верстахъ ниже устья Буреи, теперешняя станица Иннокентьевская; отъ Усть-Зеи 268 верстъ.

14. Халтанъ—теперь станица Касаткина; 41 верста.

15. У входа Амура въ Хинганъ—станица Пашкова, въ память нерчинскаго воеводы XVII вѣка; отъ Халтана 50 верстъ, а отъ Стрѣлки 1,137 верстъ.

Во всѣхъ этихъ 15-ти селеніяхъ въ 1857 г. было не свыше 1,850 душъ обоихъ половъ; самыя большія изъ нихъ были Усть-Зейская, Иннокентьевская и Кумарская станицы, въ которыхъ находились и управленія трехъ переселенныхъ сотенъ.

Къ этому осѣдлому населенію нужно присоединить, какъ первыхъ же русскихъ жителей на верхнемъ Амурѣ, офицеровъ и солдатъ 14-го сибирскаго линейнаго баталіона и дивизіона одной батареи, всего около 1,100, такъ что зимою съ 1857 на 1858 годъ было въ теперешней Амурской области около 2,950 русскихъ, разбросанныхъ на протяженіи 1,137 верстъ.

Люди эти вообще были снабжены продовольствіемъ на 14 мѣ-

сяцевъ, и если бы случилась въ теченіе зимы какая нибудь убыль запасовъ, то пополнить ее не имѣли средствъ, кромѣ небольшаго числа усть-зейцевъ, у которыхъ въ сосѣдствѣ былъ городъ Айгунъ съ группою маньчжу-китайскихъ деревень. Ни казна, ни частная русская торговля не могли имъ подать помощи раньше конца мая слѣдующаго 1858 года. Весь домашній скотъ и птица должны были кормиться изъ того же 14-ти мѣсячнаго людскаго запаса, но первый, разумѣется, главнымъ образомъ, запасами сѣна, которые населенію слѣдовало собрать въ первыя же недѣли по прибытіи на мѣсто, въ горячую пору постройки жилищъ. Мы видѣли, что, въ большинствѣ случаевъ, переселенцы прибыли поздно, и имъ, по времени года, почти было не до скота. Вотъ почему значительная часть привезенной изъ Забайкалья живности была съѣдена зимою, другая подохла, и рабочія силы къ началу рабочей поры 1858 года были въ состояніи неудовлетворительномъ. Этого факта не слѣдуетъ забывать, когда разбираютъ причины недостаточной зажиточности амурскихъ колонистовъ. Они, такъ сказать, были надорваны въ силахъ и средствахъ борьбою съ природою въ самый день ихъ водворенія въ новомъ краѣ.

Отсюда то недовольство ихъ судьбою, которое видѣлъ въ 1859—1860 годахъ С. В. Максимовъ и которое дискредитировало Амуръ и въ глазахъ народа, въ первое время увлекавшагося было переселеніемъ въ Амурскій край, и въ глазахъ образованной публики, которая, не имѣвъ возможности сама изучать богатыя естественныя средства новой страны, стала склонною думать, что богатства эти существуютъ только въ воображеніи нѣкоторыхъ иркутскихъ чиновниковъ, задаренныхъ наградами.

Изъ Горбицы я тѣмъ же способомъ, т. е. плывя въ лодкѣ, доѣхалъ до Стрѣтенска; но какъ тутъ уже можно было ставить на бичеву не людей, а лошадей, то плаваніе совершалось очень быстро. За всѣмъ тѣмъ, когда въ Стрѣтенскѣ я сѣлъ въ тарантасъ и двинулся по сухому пути рысью, отъ 10-ти до 12-ти верстъ въ часъ, то эта скорость показалась мнѣ неблагоразумно большою, и я долго держался за экипажъ, опасаясь упасть. Но мало по малу нервы пришли въ порядокъ, и несясь на курьерскихъ отъ Нерчинска къ Городищу, я уже заставлялъ ямщика ѣхать скорѣе, чѣмъ по 15-ти верстъ въ часъ.

И скакать было нужно. Уже въ Стрѣтенскѣ я узналъ, что

генералъ-губернаторъ собирается въ Петербургъ. Оставить его безъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ состояніи находился Амуръ черезъ полтора мѣсяца послѣ его отъѣзда, значило бы сильно его раздосадовать и даже, вѣроятно, повредить вообще амурскому дѣлу, потому что и цѣль-то его поѣздки въ далекую столицу состояла въ докладѣ о ходѣ этого дѣла и полученіи полномочій, необходимыхъ для его успѣшнаго окончанія. Переѣхавъ на пароходѣ Байкалъ, я въ ночь двинулся къ Иркутску и на зарѣ прибылъ въ этотъ городъ. Экипажъ Н. Н. Муравьева былъ уже подмазанъ, вещи уложены, и самъ онъ ходилъ по залѣ въ дорожномъ платьѣ, когда я явился съ докладомъ, частію письменнымъ, частію словеснымъ. Выслушавъ меня, онъ приказалъ начальнику штаба, г. Буссе, тому самому, который возбудилъ по смерти своей такую горячую полемику о Сахалинѣ, прислать меня осенью въ Петербургъ, а самъ пошелъ садиться въ тарантасъ, въ которомъ обыкновенно совершалъ свои поѣздки, такъ какъ рессорные экипажи совершенно не годятся для ѣзды по дорогамъ нешоссированнымъ.

III.

..... Два съ половиною мѣсяца, проведенные мною въ Иркутскѣ и въ Забайкальѣ послѣ отъѣзда Н. Н. Муравьева въ Петербургъ, были совершенно достаточны, чтобы убѣдиться, что такое вниманіе къ «новичку», какое оказалъ мнѣ генералъ-губернаторъ взявъ съ собою на Амуръ, не проходитъ даромъ. Не было такой шпильки и даже просто грубости, какой бы не позволилъ себѣ г. Б. по отношенію ко мнѣ, и если иногда сдерживался, то только потому, что, зная о предстоявшей мнѣ поѣздкѣ въ Петербургъ, боялся, что я принесу тамъ на него жалобу генералъ-квартирмейстеру и генералъ-губернатору. Я молчалъ, хотя иногда приходилось кусать губы отъ сдержаннаго негодованія. Чтобы характеризовать двумя словами мое положеніе въ это время, скажу, что когда я, для приложенія къ составлявшемуся мною описанію Забайкалья, начертилъ маршрутную карту, стоившую мнѣ около мѣсяца работы, то карта эта, наканунѣ окончанія, исчезла со стола, на которомъ я работалъ, сидя въ штабѣ...

Тѣмъ не менѣе, 22-го ноября 1857 года курьерская тройка понесла меня по направленію къ Петербургу и 9-го декабря поутру я былъ уже тамъ. Въ это время составлялось предположеніе объ экспедиціи на рѣку Усури для открытія вдоль ея сообщенія съ тѣми гаванями Японскаго моря, которыя только что были отысканы пароходомъ «Америка», возившимъ адмирала Путятина изъ Николаевска въ Китай. Генералъ-губернаторъ объявилъ мнѣ, что эта экспедиція будетъ поручена мнѣ. Лучшей программы дѣятельности на будущее лѣто нельзя было придумать, и я съ жаромъ занялся приготовленіями къ предстоявшему странствованію: перечиталъ все, что было писано о Маньчжуріи и Японскомъ морѣ, скопировалъ карты, сдѣлалъ длинныя выписки изъ Лаперуза и Броутона, выпросилъ у барона В. К. Ливена дубликаты многихъ книгъ о восточной Азіи, находившихся въ библіотекѣ главнаго штаба, для доставленія ихъ въ Иркутскъ, и т. п. Но особенно счастливымъ я считалъ себя, при этихъ приготовленіяхъ, тѣмъ, что имѣлъ случай встрѣтиться съ двумя отличными знатоками тѣхъ мѣстностей, въ которыя мнѣ предстояло отправиться, съ профессоромъ Васильевымъ и адмираломъ Невельскимъ. В. П. Васильевъ въ это время занимался переводами съ китайскаго описаній рѣкъ Амурскаго бассейна. Съ обычнымъ ему великодушіемъ, онъ сообщилъ мнѣ опись рѣки Усури и даже предложилъ не переписывать тетрадки, а оставить за собою оригинальную его рукопись. Это былъ поступокъ, достойный истиннаго служителя науки, чуждаго всякихъ личныхъ расчетовъ. Отъ него же я получилъ только что отпечатанное имъ въ Запискахъ Географическаго общества общее описаніе Маньчжуріи, составленное по китайскимъ источникамъ и во многомъ дополнявшее Риттера даже въ переводѣ его, сдѣланномъ въ 1856 г. П. П. Семеновымъ. Г. И. Невельской былъ не менѣе любезенъ. Онъ лично навѣстилъ меня въ скромной моей квартирѣ въ одной изъ отдаленныхъ частей Петербурга, пригласилъ къ себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ бесѣдовалъ со мною о Нижне-амурскомъ и Усурійскомъ краяхъ, о которыхъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія, частію какъ очевидецъ, частію изъ разспросовъ у гиляковъ, мангунъ и гольдовъ. Опасаясь, чтобы я чего-либо изъ сообщеннаго имъ не забылъ, онъ начертилъ на особомъ листѣ эскизъ страны между Усури и Японскимъ моремъ и тутъ же написалъ на поляхъ пояснительный

текстъ. Словомъ, В. П. Васильевъ и Г. П. Невельской сдѣлали все, что могли сдѣлать люди высокаго благородства и любви къ дѣлу, такъ что и теперь, черезъ 21 годъ, я не могу безъ горячаго біенія сердца вспоминать объ ихъ ко мнѣ участіи. Ихъ сообщенія я храню какъ святыню.

Геннадій Ивановичъ Невельской, какъ извѣстно, оставилъ свои Записки о времени первыхъ нашихъ движеній въ Амурскомъ краѣ, въ которыхъ ему принадлежала столь видная роль. Живя за границей, я еще не успѣлъ хорошо познакомиться съ содержаніемъ этой книги, не такъ давно вышедшей въ свѣтъ; но не сомнѣваюсь, что она полна интереса, именно потому что, конечно, въ ней сказана одна правда. Болѣе честнаго человѣка мнѣ не случалось встрѣчать, и хотя его рѣзкость, угловатость могли иногда не нравиться, но всякій, кто имѣлъ случай ближе подойти къ нему, скоро замѣчалъ, какая теплая, глубоко-симпатическая натура скрывалась за его непредставительною наружностью. Противники его, не имѣя возможности марать его чести, стоявшей выше подозрѣній, старались выставить его смѣшнымъ, ограниченнымъ сумазбродомъ... Да! и Колумбъ былъ сумазбродъ, и Гарибальди сумазбродъ, даже самый ограниченный, если вѣрить офиціознымъ журналистамъ и дипломатамъ. Только для нихъ обоихъ есть исторія; есть она и для Невельскаго, а всѣхъ офиціозныхъ журналистовъ и многихъ дипломатовъ что же ожидаетъ, кромѣ забвенія?...

Впрочемъ, виноватъ передъ гг. дипломатами. Именно въ воспоминаніяхъ о занятіи Амура приходится назвать одного изъ нихъ, также имѣющаго права на память въ потомствѣ. Это былъ тоже, если не «сумазбродъ», такъ «эксцентрикъ», Егоръ Петровичъ Ковалевскій, который управлялъ азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1855—1861 годахъ. Его проницательный умъ, его литературныя дарованія, его злой языкъ, его отличное знакомство съ Востокомъ, его просвѣщенный патріотизмъ—слишкомъ извѣстны, чтобы мнѣ нужно было напоминать о нихъ; но его участіе въ дѣлѣ «возсоединенія» Амура извѣстно далеко не каждому. Когда нибудь, въ другомъ мѣстѣ, я разскажу, что знаю; но не могу не пожелать, чтобы этотъ трудъ принялъ на себя кто нибудь знавшій Егора Петровича ближе, чѣмъ я. Для исторіи Амурскаго края, то былъ бы важный матеріалъ.

Занятый приготовленіями къ усурійской экспедиціи, я не слишкомъ внимательно слѣдилъ за тѣми общими вопросами, которыхъ рѣшеніе вызывало Н. Н. Муравьева на пребываніе въ Петербургѣ; но все же зналъ, что по отношенію къ Амуру дѣло идетъ о двухъ предметахъ первостепенной важности, именно, о продолженіи заселенія его въ размѣрахъ гораздо бо́льшихъ, чѣмъ въ 1857 году, и о передачѣ генералъ-губернатору Восточной Сибири тѣхъ полномочій на заключеніе съ Китаемъ договора объ Амурскомъ краѣ, которыя были даны другому лицу. Подписаніе трактата съ китайцами о признаніи за нами всего лѣваго и части праваго берега Амура должно было явиться вѣнцомъ многолѣтней дѣятельности Н. Н. Муравьева, и понятно, что онъ не желалъ отдать этого вѣнца другимъ. Дѣло это и устроилось въ началѣ 1858 года, такъ что я уже въ Петербургѣ зналъ, что предстоящею весною будутъ идти у генералъ-губернатора переговоры съ китайскими полномочными. Возникли толки о проведеніи наилучшей границы съ Маньчжуріею въ теперешней Приморской области. Одни говорили, что достаточно будетъ намъ взять треугольникъ между устьемъ Усури, заливомъ де-Кастри и Императорскою гаванью; другіе указывали на Ольгинскую гавань, какъ на южный предѣлъ пріобрѣтеній, которыхъ нужно желать. Г. И. Невельской совѣтовалъ не упускать момента ослабленія Китая, боровшагося съ тайпингами и англо-французами, и провести границу отъ устья Сунгари прямо на югъ, по горамъ, отдѣляющимъ бассейнъ этой рѣки отъ усурійскаго, а далѣе выйти къ Японскому морю у сѣверо-восточнаго угла Кореи. Но это предложеніе находили несерьезнымъ, слишкомъ агрессивнымъ, и, напримѣръ, М. С. Корсаковъ открыто подсмѣивался надъ нимъ... Надобно однако замѣтить, что на виду были предположенія и еще болѣе смѣлыя. Осенью 1857 года вышла въ Лондонѣ карта всего свѣта, изданная, если не ошибаюсь, офиціальнымъ англійскимъ картографомъ Стэнфордомъ. На ней русская граница въ восточной Азіи была проведена по прямой линіи отъ Абагайту къ Желтому морю, такъ что вся почти Маньчжурія признавалась русскою провинціей. Говорили, что границу эту Стэнфордъ провелъ по указаніямъ нашего военнаго агента въ Лондонѣ, капитана Н. П. Игнатьева, а этотъ послѣдній будто бы только выразилъ чертежомъ мысль и предположеніе импера-

тора Николая; но за достовѣрность этихъ слуховъ я не ручаюсь и передаю ихъ лишь какъ слухи, носившіеся въ средѣ, которая, до нѣкоторой степени, призывалась къ подачѣ голоса по амурскимъ дѣламъ и интересовалась всякаго рода относившимися до нихъ предположеніями.

Н. Н. Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга вскорѣ послѣ Новаго года; я остался на нѣкоторое время, чтобы получить заказанные мною разные инструменты для штаба и для сахалинскихъ угольныхъ копей, принять изъ библіотеки главнаго штаба книги и т. п. Долго заживаться однако было нельзя, и вотъ новыя 6,000 верстъ въ теченіе года, такъ что, считая поѣздку на Амуръ, я сдѣлалъ, съ февраля 1857 по февраль 1858 г., болѣе 22,000 верстъ, изъ которыхъ около 2,600 верстъ водою, 18,000 в. на почтовыхъ или курьерскихъ и только 1,800 верстъ по желѣзной дорогѣ. Привожу эти цифры, чтобы показать, какова была тогда служба въ Восточной Сибири, потому что я далеко не составлялъ исключенія, и многіе ѣздили еще больше меня, особенно адъютанты и чиновники особыхъ порученій генералъ-губернатора. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что надъ этими разъѣздами восточно-сибирскихъ чиновниковъ смѣялись въ Петербургѣ; «Искра» напечатала рядъ каррикатуръ на этотъ счетъ, гдѣ представила даже портреты нѣкоторыхъ изъ «курьеровъ» съ подписью, что «на привезенныхъ ими бумагахъ собственною его пр—ва рукою написано: къ свѣдѣнію». Но повторяю: разъѣзды были неизбѣжны. Я, напримѣръ, привезъ важныя депеши изъ Пекина и Тянь-цзина, которыя ускорили рѣшеніе дѣла о предстоявшемъ заключеніи договора объ Амурѣ по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли. Вѣдь почта отъ Иркутска до Петербурга ходила слишкомъ 30 дней, а я пріѣхалъ въ 17½.

По прибытіи въ Иркутскъ, опять начались непріятности. Г-ну Б—у было досадно, что генералъ-губернаторъ, не спросясь его, отдалъ усурійскую экспедицію мнѣ. Узнавъ довольно близко его характеръ, я опасался съ его стороны всякаго рода мѣръ къ тому, чтобы исполненіе моего порученія обставить самыми невыгодными условіями; но, по счастію, составленіе команды и снабженіе ея запасами поручено было М. С. Корсакову, т. е. лицу, стоявшему внѣ штабныхъ интригъ, и моими спутниками на Усури явились люди усердные и хорошо всѣмъ снабженные. За то г-ну Б—у

удалось сдѣлать мнѣ серьезную непріятность въ собственно-штабной сферѣ. По предположенію генералъ-губернатора и утвержденной имъ смѣтѣ экспедиціи, предполагалось мнѣ дать въ помощь двухъ топографовъ. Г-нъ Б. распорядился такъ, что этихъ топографовъ я не видалъ въ глаза, и, слѣдовательно, мнѣ приходилось одному сдѣлать то, что должны были дѣлать трое. Мало того: изъ довольно значительнаго запаса топографическихъ инструментовъ, находившихся въ Иркутскѣ, мнѣ были отпущены самые дурные, напримѣръ, буссоли съ размагнитившимися стрѣлками и тупыми шпильками. По счастію, я всегда имѣлъ, какъ и теперь имѣю, этого рода инструменты собственные, разумѣется, исправные. Съ этой стороны, стало быть, маневры были безполезны. За то г. Б. не поскупился на личныя оскорбленія такого свойства, что я далъ себѣ слово: какъ только окончу экспедицію, уѣхать изъ Восточной Сибири, каковы бы ни были внѣшнія условія службы, которыя пришлось бы принять, отказавшись отъ должности старшаго адъютанта штаба. Я это потомъ и сдѣлалъ.

Въ половинѣ апрѣля 1858 г. я опять отправился на Амуръ и опять съ любезнымъ Я. И. Шишмаревымъ, но нѣсколькими днями впередъ генералъ-губернатора. Въ Шилкинскомъ заводѣ я нашелъ готовою мою команду: почтеннаго сотника Шѣшкова, урядника Масленникова, переводчика тунгузскаго языка унтеръ-офицера Карманова и одиннадцать казаковъ. Со мною былъ еще крѣпостной мальчикъ въ видѣ слуги, такъ какъ опытъ прошлаго года указалъ на положительную необходимость имѣть прислугу, независимую отъ команды гребцовъ, далеко нелюбезно распоряжавшихся вещами, лично мнѣ принадлежавшими. Такъ какъ мы прибыли въ Шилкинскій заводъ еще въ то время, когда Шилка была покрыта льдомъ, то пришлось дожидаться ея вскрытія. Помню очень хорошо, какъ по вскрытіи, наконецъ, рѣки стали хлопотать о скорѣйшемъ выводѣ изъ гавани парохода «Лены», гдѣ онъ замерзъ, и какъ не успѣли въ этомъ, такъ что генералъ-губернаторъ съ ближайшими своими спутниками уплылъ на катерѣ, а намъ, т. е. г-ну Б., мнѣ, почтенному чиновнику особыхъ порученій В. Д. Карпову и еще какому-то гражданскому чиновнику, имени котораго не могу вспомнить, данъ былъ огромный баркасъ или, точнѣе, кузовъ канонерской лодки, на которой смѣло можно было помѣстить роту солдатъ, или, еще лучше, семействъ

тридцать переселенцевъ, или нѣсколько тысячъ пудовъ муки. Этотъ баркасъ былъ истиннымъ мученьемъ для моей команды, которая одна должна была съ нимъ управляться и, стало быть, понапрасну измучиться прежде, чѣмъ начнется собственно уссурійская экспедиція. Особенно непріятно было присутствіе на томъ же баркасѣ генералъ-губернаторскихъ куръ и барановъ, которымъ не нашли, видно, другаго мѣста, которые отравляли атмосферу, доставляли много хлопотъ по прокормленію и кончили тѣмъ, что большею частію подохли не доѣхавъ до Зеи... Эти мелочи съ «задняго двора» я привожу здѣсь, какъ характеристическія вообще для экспедиціи 1858 года, въ которую, за огромностью ея размѣровъ и цѣли, очевидно пренебрегали вещами второстепенными, т. е. именно тѣми, которыя ближе всего касаются отдѣльныхъ исполнителей общаго дѣла.

А цѣль и размѣры экспедиціи 1858 года были дѣйствительно огромны. Во первыхъ, нужно было дополнить колонизацію прошлаго года основаніемъ множества новыхъ селеній между Усть-Стрѣлкою и Хинганомъ, такъ чтобы, вмѣсто прежнихъ трехъ сотень, казаки могли выставлять два полка; во вторыхъ, слѣдовало заселить вновь обширное пространство между Хинганомъ и Усури и даже часть береговъ этой послѣдней рѣки; въ третьихъ, и самое главное, нужно было заключить договоръ съ Китаемъ, облекавшій наши захваты на Амурѣ въ законную форму. Послѣдняя цѣль была бы очень трудно-достижимою, даже, быть можетъ, вовсе недостижимою безъ войны, если бы у китайскаго правительства не было въ это время на рукахъ тяжелыхъ заботъ по борьбѣ съ англо-французами, взявшими уже Кантонъ, съ тайпингами, владѣвшими Нанкиномъ, и съ магометанами, которыхъ возстаніе началось въ 1857 году и охватило обширную площадь отъ береговъ Желтой рѣки въ Шенъ-си до Кашгара. Но какъ эта тройная борьба, совершавшаяся притомъ на театрахъ гораздо болѣе важныхъ для Китая, чѣмъ отдаленный Амуръ, поглощала все вниманіе богдыханскаго правительства, то можно сказать, что именно главная-то цѣль экспедиціи 1858 года—трактатъ—была самою легко-достижимою. Это и подтвердилось тѣмъ, что когда генералъ-губернаторъ прибылъ на устье Зеи, то оказалось, что китайскій уполномоченный, князь И-шань, тесть императора, уже дожидается его въ сосѣднемъ Айгунѣ. Кромѣ того, яснымъ дока-

ательствомъ готовности китайцевъ уступать служитъ и самая краткость переговоровъ. Мы прибыли на устья Зеи 11-го мая; 13-го генералъ-губернаторъ явился передъ Айгуномъ съ своимъ катеромъ и двумя канонерскими лодками, а 16-го договоръ былъ подписанъ. Я не привожу здѣсь его содержанія, потому что онъ всѣмъ извѣстенъ, но замѣчу, что при заключеніи его было нѣсколько курьезныхъ обстоятельствъ. Переговоры велись черезъ переводчиковъ или, точнѣе и главнымъ образомъ, черезъ Я. П. Шишмарева, который получалъ указанія отъ генералъ-губернатора и къ которому являлись второстепенные китайскіе чиновники съ такими же наставленіями отъ князя И-шаня. Послѣдніе прибѣгали къ совершенно азіатскимъ хитростямъ, чтобы добиться нашей снисходительности. Они плакали, увѣряя, что не смѣютъ передать представляемыхъ требованій своему послу, вѣроятно, изъ опасенія, что онъ велитъ вздуть ихъ бамбуками, увѣряли отъ имени самого посла, что онъ не рѣшится принять такихъ-то и такихъ-то условій, потому что за принятіе ихъ ему угрожала бы петля, и т. п., а когда договоръ былъ подписанъ, то признавались, что ихъ удивила умѣренность нашихъ требованій, что они ожидали для начала негоціяцій домогательства нашего на всѣ земли до Великой стѣны и Желтой рѣки, дабы потомъ, по принятому въ дипломатіи обычаю, сбавлять эти требованія... Спѣшу, впрочемъ, оговориться: самъ я подъ Айгуномъ во время переговоровъ не былъ, а узналъ эти подробности черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора, когда генералъ-губернаторъ со свитою прибылъ на устье Усури, куда я былъ отправленъ впередъ. Помнится, при этомъ и самъ Н. Н. Муравьевъ смѣялся надъ И-шанемъ, который хоть и увѣрялъ, что боится петли, но на послѣдовавшемъ за подписаніемъ трактата угощеніи такъ усердно пилъ шампанское, что снялъ съ себя курму и остался только въ той части одежды, которая походитъ на поповскій подрясникъ или, пожалуй, даже на рубашку и которая, я уже забылъ теперь, какъ называется по китайски.... Разсказывали также о баснословномъ невѣжествѣ китайцевъ, которыхъ будто бы увѣрили, для убѣжденія въ необходимости уступить намъ усурійскій край, что если они этой уступки не сдѣлаютъ, то англичане не замедлятъ появиться на Усури съ своими пароходами и пушками, которыя перетащутъ туда съ Японскаго моря. Вообще, пуганье англича-

нами было однимъ изъ главныхъ мотивовъ съ нашей стороны, и кто знаетъ ненависть и боязнь, которую китайцы питаютъ къ этимъ «рыжимъ варварамъ», тотъ поймет, что выборъ этого мотива былъ очень удаченъ: мы сами вѣдь должны были во всякомъ случаѣ остаться «друзьями» Китая.

IV.

Вся поэзія амурскаго дѣла кончилась съ подписаніемъ айгунскаго договора. За исключеніемъ одной моей небольшой экспедиціи, которая тоже утратила часть своей прелести, не оставалось ни одного предпріятія на Амурѣ, которое не было бы самою сухою прозою. Для «видныхъ» дѣлъ почти не оставалось мѣста. Поэтому можно было предвидѣть, что тотъ наплывъ энергической молодежи въ Иркутскъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершался подъ вліяніемъ амурскаго дѣла, скоро прекратится, а съ нимъ прекратится и та энергическая жизнь, которая было пробудилась въ Восточной Сибири. Такъ оно и случилося, какъ извѣстно; но впрочемъ 1858 и 1859 года были еще годами увлеченій для многихъ, возвращавшихся потомъ, разумѣется, совершенно разочарованными. Колонизація Амура, изслѣдованія и заселеніе южно-усурійскаго края, тамошнихъ гаваней и т. п. привлекали еще людей, жаждавшихъ дѣятельности, но недолго. Въ 1860 году посѣтилъ наши посты по берегамъ Японскаго моря талантливый путешественникъ Линдау: онъ удивлялся ихъ безжизненности и печальной участи людей образованныхъ, которые были брошены судьбой въ эту глушь. Тогда же описалъ далеко нерозовыми красками и самый Амуръ путешественникъ русскій, С. В. Максимовъ...

Гдѣ причина этому? Отчего Амурскій край не развился такъ же быстро и роскошно, какъ Калифорнія, Новая Зеландія, Южная Австралія или хоть даже Канада?... Въ «воспоминаніяхъ» не мѣсто отвѣчать на этотъ вопросъ, а потому я вернуся къ простому перечню событій 1858 года, на сколько они знакомы мнѣ лично.

И, во первыхъ, скажу нѣсколько словъ объ амурской компаніи, которая была основана въ этомъ году и возбуждала такія сангвиническія надежды. Задачи компаніи были очень широки, средства значительны, покровительство со стороны высшихъ сибирскихъ властей—безусловно; въ заключеніе всего, веденіе дѣлъ

па мѣстѣ, т. е. на Амурѣ, было ввѣрено лицу, извѣстному въ иркутскомъ коммерческомъ мірѣ по своему уму и дѣятельности, купцу Бѣлоголовому. Н. Н. Муравьевъ принималъ самое близкое участіе въ судьбахъ компаніи. Когда, по заключеніи айгунскаго договора, онъ встрѣтилъ Бѣлоголоваго на устьѣ Усури, въ теперешней станицѣ Казакевичевой, то на бывшемъ въ генералъ-губернарскомъ помѣщеніи (шалашъ изъ коры) завтракѣ единственный тостъ, провозглашенный хозяиномъ, былъ «за процвѣтаніе амурской компаніи», которая должна была избавить Амуръ отъ мелкихъ хищниковъ-спекулянтовъ и водворить въ немъ «разумную» торговлю, которая бы содѣйствовала развитію богатствъ края. Предполагалось, что средства компаніи дадутъ ей возможность снабдить край немедленно тѣми произведеніями странъ культурныхъ, которыхъ недоставало необработанной еще, хотя богатой отъ природы, пустынѣ: хлѣбомъ, рисомъ, сахаромъ, свѣчами, готовою обувью, одеждой и матеріалами для нея, скотомъ, земледѣльческими орудіями, мебелью, посудой, стекломъ, желѣзною утварью и пр. Предполагалось, конечно, что главною заботой компаніи будетъ не скупка по дешевой цѣнѣ соболей, которые бы на ирбитской ярмаркѣ доставили ей 300—400% барыша [1]), а доставка изъ-за границы, моремъ, такихъ грузовъ, которые бы могли удовлетворить потребностямъ вновь возникавшихъ колоній. Предполагалось, наконецъ, что мѣстныя амурскія власти проникнутся тѣми же взглядами на компанію, какъ и власти иркутскія, и не только не будутъ дѣлать ей притѣсненій и убытковъ, а облегчатъ ея задачи—отводомъ, напримѣръ, постоянныхъ мѣстъ подъ магазины компаніи, перевозкою болѣе спѣшныхъ грузовъ на казенныхъ пароходахъ, трюмы которыхъ нерѣдко оставались пустыми, и т. п. Но что же случилось не въ области предположеній, а въ дѣйствительности? Въ лавкахъ компаніи продавались заплесневѣлые пшеничные сухари и кренделі по полтиннику и по трехрублевому за фунтъ, прогорьклое коровье масло по цѣлковому, червивая колбаса, гнилая даба (низшій сортъ китайки) и т. п., а принимались, за исключеніемъ денегъ, одни соболи! Съ великимъ трудомъ я, износившій на

[1]) Соболи покупались въ 1858 г. на Амурѣ по 3—4 рубля, а продавались въ Ирбитѣ по 12—15, иногда даже по 25 рублей. М. В.

Усури четыре пары обуви, могъ достать себѣ кунгурскіе простонародные сапоги что-то за 10 или 12 рублей пару, такъ что на первый же годъ существованія компаніи приходилось жалѣть объ отсутствіи тѣхъ «хищниковъ», которыхъ могущественная конкурренція компаніи удалила съ Амура. Съ другой стороны, мѣстныя власти вели себя съ компаніею возмутительно. Пришли, напримѣръ, на устья Зеи компанейскія лодки. «Давайте ихъ намъ! онѣ намъ нужны для перевозки солдатъ или казенныхъ тяжестей!» Прибыли на низовья Амура компанейскіе скотъ и мука: «пожалуйте ихъ намъ, а въ будущую навигацію мы вамъ отдадимъ ихъ натурою!»—Губернаторъ Б., отправляясь въ Благовѣщенскъ и желая, чтобы городъ этотъ былъ не только просвѣщенъ его присутствіемъ, но и освѣщенъ фонарями, заказалъ таковые компаніи, да кстати и пожарные инструменты. И то, и другое было доставлено, но тогда его превосходительство отказался отъ заказа, потому что у города доходовъ не было и заплатить было нечѣмъ. И, разумѣется, компанія не смѣла отыскивать убытковъ. Мудрено-ли послѣ этого, что она кончила свое существованіе черезъ 3—4 года продажею акцій, кажется, г-ну Бенардаки, по 17 копѣекъ за рубль?!

Лично я провелъ все лѣто 1858 года, т. е. конецъ мая, іюнь, іюль и часть августа, на Усури, занимаясь съемкою этой рѣки и составляя ея описаніе. Такъ какъ отчетъ объ этой экспедиціи давно и не разъ напечатанъ, не только по русски, но даже по англійски, то я не буду здѣсь останавливаться на ней, а разскажу лишь то, что относится до заселенія Амура. Когда, въ августѣ, я плылъ внизъ по Усури и приближался къ ея устью, то издали замѣтилъ нѣсколько свѣжихъ, еще неоконченныхъ построекъ по равнинѣ праваго ея берега, тянущейся отъ подошвы хребта Хехцыръ къ югу. Это былъ зародышъ станицы Невельской, которую потомъ пришлось перенести съ берега внутрь страны, потому что разливы Усури затопляли дома. Хотя въ 1858 г. переселенческіе сплавы начались гораздо раньше, чѣмъ въ 1857-мъ, но по отдаленности Усури отъ Забайкалья поселенцы пришли поздно, и состояніе ихъ построекъ внушало опасенія, что зимовка будетъ плоха. Въ слѣдующемъ селеніи, Казакевичевомъ, дѣло шло несравненно лучше. Тутъ уже съ ранней весны губернаторъ Приморской области началъ возведеніе зданій

для магазиновъ и нѣсколькихъ жилыхъ построекъ, и потому селеніе имѣло довольно приличный видъ. Оно поэтому и сдѣлано было потомъ мѣстопребываніемъ командира Усурійскаго казачьяго баталіона. Станица Корсакова едва зарождалась, за то Хабаровка, поставленная на превосходномъ, возвышенномъ берегу Амура и Усури, при окончательномъ ихъ сліяніи, представляла утѣшительный видъ. Здѣсь работы, подъ управленіемъ того же Я. В. Дьяченки, который въ прошломъ году строилъ Кумарскую станицу, шли очень успѣшно, и возникли не только дома, но лавки съ товарами, даже, если не ошибаюсь, заложена была небольшая церковь или часовня на пригоркѣ, видномъ издалека. Купцы своимъ коммерческимъ инстинктомъ поняли, что тутъ въ будущемъ долженъ возникнуть большой коммерческій центръ, и, разумѣется, рано или поздно этотъ центръ возникнетъ; но вотъ, напримѣръ, какія обстоятельства мѣшали этому до настоящаго времени. Гораздо позднѣе основанія Хабаровки возникла мысль основать въ ней мѣстопребываніе губернатора всего Амурскаго края, при чемъ Благовѣщенскъ остался бы уѣзднымъ городомъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока населеніе Амурскаго края не увеличится на столько, чтобы стоило сдѣлать изъ него двѣ области. При этомъ, конечно, губернатору изъ Благовѣщенска, гдѣ у него есть хорошій домъ, пришлось бы переѣхать въ Хабаровку, на первое время—въ помѣщеніе болѣе тѣсное; пришлось бы и удалиться отъ Иркутска, гдѣ жилъ нареченный тесть губернатора, человѣкъ тоже съ виднымъ положеніемъ въ провинціальной администраціи. Спросили изъ Петербурга кого слѣдуетъ въ Восточной Сибири, и что же получили въ отвѣтъ? «Хабаровка неудобна; она лежитъ на болотѣ; отличается нездоровостью», и т. п. Мнѣ случилось читать этотъ любопытный отвѣтъ, и я не зналъ, какъ онъ могъ быть данъ вопреки очевидности,—потому что Хабаровка лежитъ на откосѣ высокой горы и есть одна изъ лучшихъ по мѣстности колоній Амурскаго края,—и какая цѣль могла быть при его составленіи? Только лишь узнавъ случайно семейныя обстоятельства, на которыя сейчасъ указалъ, я понялъ, почему хребетъ Хехцыръ официально обратился въ болото.... Что же такое нужды государственныя передъ семейными нѣкоторыхъ особъ!...

Я сейчасъ сказалъ, что нашелъ въ августѣ 1858 г. въ Ха-

баровкѣ нѣсколькихъ торговцевъ. Одинъ изъ нихъ, скорѣе прикащикъ или даже «молодецъ», чѣмъ хозяинъ, узнавъ, что я прибылъ съ Усури, сталъ при встрѣчѣ разспрашивать меня, что это за край, чѣмъ тамъ можно торговать? и пр. Я замѣтилъ, что на Усури пока почти совершенная пустыня, что вдоль ея я нашелъ всего 102 плохенькіе домика ссыльныхъ китайцевъ и гольдовъ, и что кромѣ соболей тамъ покупать нечего, а продавать можно дабу, водку, табакъ, порохъ и т. п. Соболи, кажется, дешевы.—«Такъ-съ! Ну, а край изъ себя каковъ? Говорятъ, много болотъ».—Есть-таки, но вѣдь безъ этого не можетъ же быть въ странѣ дикой, лѣсистой и дождливой. Придутъ жители, найдутъ много мѣстъ возвышенныхъ, годныхъ для водворенія, а когда вырубятъ лѣса, то и почва обсохнетъ, даже въ долинѣ рѣки, не только по увалам. Вѣдь вотъ и про Амуръ говорили, что онъ—болото; а гдѣ же вы видѣли, чтобы дома были поставлены на болотистой почвѣ, кромѣ развѣ Бусули?—«Помилуйте! гдѣ же на болотѣ? а на пескѣ, это точно... вонъ извольте посмотрѣть, на томъ берегу лугъ-то весь песчаный».—И говоря слова «на пескѣ», мой молодецъ какъ-то лукаво улыбнулся, такъ что даже послѣдняя часть его рѣчи мнѣ показалась лишь оговоркой, долженствовавшею смягчить смыслъ его насмѣшливаго замѣчанія.... Должно признаться, что дѣйствительно значительная часть селеній, возникшихъ въ 1858 году, была основана «на пескѣ», въ томъ смыслѣ, что они были недолговѣчны и постепенно были относимы отъ берега Амура внутрь страны. Но много было мѣстностей истинно великолѣпныхъ по положенію и угодьямъ, напримѣръ, станица Екатерино-Николаевская, у выхода Амура изъ Хинганскихъ горъ. Я не знаю, кто именно выбиралъ мѣста подъ селенія; но общій отчетъ по ходу колонизаціи того года возложенъ былъ на чиновника особыхъ порученій генералъ-губернатора, Шелехова, сына извѣстнаго въ свое время писателя по сельскому хозяйству. Что онъ написалъ, мнѣ неизвѣстно; но вотъ, что я могу сказать съ своей стороны.

Лѣтомъ 1858 года возникло на Амурѣ и Усури 35 селеній, именно: шесть выше Благовѣщенска, четыре на Усури и двадцать пять на среднемъ Амурѣ, отъ Благовѣщенска до Хабаровки. Въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго общества» за 1871 г. мною былъ перепечатанъ списокъ всѣхъ въ то время

существовавшихъ въ Амурскомъ краѣ населенныхъ пунктовъ съ показаніемъ годовъ ихъ основанія; но я долженъ здѣсь оговориться, что тамъ есть нѣсколько ошибокъ, именно относительно хронологіи. Перепечатка мною сдѣлана съ офиціальнаго списка, составленнаго коммисіею 1869 года, ѣздившею на Сахалинъ, и, конечно, ей было очень немного интереса добиваться точности въ хронологіи; но если кто вздумаетъ современемъ писать подробную исторію амурской страны, тотъ долженъ это имѣть въ виду. Станицы были разставлены такимъ образомъ, чтобы разстоянія между ними были по возможности однообразны и равнялись длинѣ обыкновеннаго почтоваго переѣзда. Я уже замѣтилъ, въ какихъ соображеніяхъ, губительныхъ для переселенцевъ, это дѣлалось; здѣсь прибавлю, что и въ 1858 году объ учрежденіи почтовыхъ станцій по Амуру не было и рѣчи. Странное дѣло! Заняли мы въ киргизской степи ни на что серьезно ненужный Зайсанскій постъ, въ 400 верстахъ отъ Семипалатинска, и сейчасъ провели къ нему почтовую дорогу, по которой едва-ли когда нибудь возится болѣе десятка казенныхъ и частныхъ конвертовъ въ недѣлю. А заняли и заселили Амурскій край, эту большую дорогу къ Тихому океану, и правильной почты не организовывали нѣсколько лѣтъ, разрушая такимъ образомъ одною рукой то, что другою насаждали, т. е. систематически раззоряя вновь водворяемыхъ переселенцевъ почтовою гоньбой. Точно будто Восточная и Западная Сибирь принадлежатъ не къ одному государству и управляются по разнымъ началамъ!

Общее число переселенцевъ 1858 года мнѣ неизвѣстно, но полагаю, что оно простиралось отъ шести до семи тысячъ душъ, главнымъ образомъ пѣшихъ казаковъ изъ Нерчинскаго округа. Довольно забавную въ военномъ отношеніи картину представляли эти побочные сыны или, точнѣе, пріемыши Марса. До 1851 г. они выжигали для горныхъ заводовъ уголь, возили руду, охотились зимою на бѣлокъ, занимались сельскимъ хозяйствомъ, и военныхъ мундира и аммуниціи почти не видывали, кромѣ развѣ тѣхъ, кто жилъ по этапному тракту, которымъ слѣдовали арестанты подъ конвоемъ солдатъ. Вдругъ—въ казаки! Наслали къ нимъ офицеровъ, начали учить артикуламъ, собирать на ученья, даже, кажется, на маневры, выучили ходить въ ногу и пр. Но передѣлать натуры въ 6—7 лѣтъ не могли. Пѣшій забайкаль-

скій казакъ остался мужикъ-мужикомъ, только вмѣсто зипуна любилъ халатъ и бороду не запускалъ, а брилъ поневолѣ. Фитильная охотничья винтовка была ему милѣе казеннаго ударнаго ружья, потому что она не пугаетъ звѣря взводомъ курка. А что до военной выправки и дисциплины, то онъ частенько говорилъ своему начальнику-офицеру, вмѣсто «ваше благородіе» — «сударь» и при этомъ почесывалъ затылокъ. Вотъ эти-то люди и были призваны заселять Амуръ не просто, чтобъ жить на немъ, но чтобъ защищать его, отъ кого? — не знаю. Я уже не разъ упоминалъ, что китайцевъ бояться было нечего, а затѣмъ очевидно, что въ данномъ случаѣ мы слѣпо слѣдовали традиціи, по которой русскія окраины должны быть обставлены передовою казачьею цѣпью.

Всю эту массу переселенцевъ, двинутую по волѣ правительства и водворенную не тамъ, гдѣ-бы она, можетъ быть, пожелала сама, а тамъ, гдѣ было приказано, приходилось, разумѣется, кормить на счетъ казны, и, какъ опытъ доказалъ, не одинъ годъ. Откуда-же было взять хлѣба? Разумѣется, кромѣ Забайкалья неоткуда. Но Забайкалье имѣетъ такое малочисленное и рѣдкое населеніе, что большихъ свободныхъ остатковъ хлѣба на продажу у него не могло быть. Тутъ опять было употреблено насиліе въ видѣ реквизиціи хлѣба у крестьянъ трехъ волостей по Ингодѣ и Онону. Имъ назначена была цѣна,—помнится, копѣекъ 60 за пудъ муки,—и они должны были доставлять столько-то тысячъ пудовъ. Доставлять хлѣбъ изъ богатыхъ имъ старовѣрческихъ селеній верхнеудинскаго округа, расположенныхъ по Хилону, Чикою и Селенгѣ, разумѣется, было бы слишкомъ дорого, а попробовать скупить запасы въ китайскихъ деревняхъ около Айгуна было бы дѣломъ рискованнымъ, такъ какъ запасовъ такихъ могло и не оказаться, даже китайцы могли ихъ не продать. О доставкѣ же на Амуръ какъ хлѣба, такъ даже и самихъ колонистовъ изъ Россіи или изъ за границы моремъ въ то время—да и гораздо позднѣе—не было и рѣчи, и тѣхъ, которые бы вздумали предложить этотъ способъ подвоза людей и ихъ продовольствія, вѣроятно, въ Иркутскѣ сочли бы «недальновидными». Эта недальновидность вѣдь приписывалась, напримѣръ, Михаилу Васильевичу Петрашевскому († 1867 г.) за то, что онъ порицалъ стѣсненія хлѣбной торговли на иркутскомъ базарѣ. Еще съ большею откровенностью

въ ней обвинялись люди, имѣвшіе смѣлость смотрѣть не чужими глазами на амурское дѣло...

Какъ въ прошломъ году на Усть-Зеѣ, такъ теперь въ Хабаровкѣ, парохода не оказалось, и я, давъ моей изнуренной командѣ отдыхъ въ два дня, приказалъ ей готовиться къ новому странствованію на бичевѣ, которое должно было простираться на 2,000 верстъ. Мы отплыли съ устья Усури послѣ полудня и вечеромъ остановились на ночлегъ у лѣваго берега Амура, еще въ виду Хехцыра, но уже верстахъ въ 25-ти отъ Хабаровки. На завтра начали мы проходить тѣ селенія, которыя, по выраженію хабаровскаго прикащика, строились на пескѣ. Превосходныя луговыя угодья плѣняли однако же самихъ переселенцевъ, и имъ большею частію въ голову не приходило, что луга эти — поемные и что первый большой разливъ Амура прогонитъ ихъ съ мѣстъ. Вода въ рѣкѣ была довольно высока и теперь, отъ дождей въ бассейнѣ Сунгари, а потому бичевникъ далеко не вездѣ былъ хорошъ. Зная, что пароходъ долженъ былъ идти изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, я приказывалъ не заходить въ мелкіе протоки, а идти главнымъ русломъ, чтобы не пропустить парохода; но какова-же была моя досада, когда однажды сидѣвшій на рулѣ казакъ не исполнилъ этого распоряженія, зашелъ вмѣсто Амура въ одинъ изъ его притоковъ, а когда мы, наконецъ, вернулись изъ него въ большую рѣку, то встрѣтившіеся мнѣ гольды объявили, что пароходъ тѣмъ временемъ прошелъ! Только тотъ, кто четыре мѣсяца шлепалъ по грязи, по камнямъ, подвергался свирѣпымъ укушеніямъ комаровъ и слѣпней, надѣялся отъ всего этого избавиться и вдругъ обманулся,—пойметъ отвратительное состояніе духа, въ которомъ я да и всѣ мои спутники находились. Но вотъ, мало по малу, на горизонтѣ, у лѣваго берега Амура, тамъ, гдѣ виднѣлись струи дыма, очевидно изъ возникавшаго русскаго селенія, обрисовался корпусъ какого-то судна, не амурской, т. е. не барочной конструкціи, и въ подзорную трубу я разсмотрѣлъ, что это пароходъ. О, радость!.. но совершенно напрасная. Пароходикъ этотъ былъ небольшой баркасъ «Надежда», везшій изъ Николаевска курьера, лейтенанта А. М. Линдена, но попортившій дорогою механизмъ и потому не могшій плыть далѣе. Вмѣсто полученія отъ Линдена помощи, приходилось помогать ему самому. «Надежду», по ея безнадеж-

ному состоянію, отправили назадъ, внизъ по теченію, въ Николаевскъ, а милаго, образованнаго и симпатичнаго курьера я попросилъ пересѣсть въ мою лодку. Отъ этого, конечно, физически на ней стало тѣснѣе, но за то я оживился нравственно. Мы поплыли опять бичевою, т. е. способомъ, который Линденъ справедливо называлъ антидиллювіальнымъ и надъ которымъ, какъ океанскій плаватель, привыкшій дѣлать по десяти узловъ въ часъ, хохоталъ отъ души. Скоро мы прошли станицу Михайло-Семеновскую, которая на картахъ малаго масштаба представляется расположенною противу устья Сунгари, а на самомъ дѣлѣ отстоитъ отъ него на 17 верстъ. Я не безъ удовольствія замѣтилъ, что тутъ не дѣлалось и попытки строить какія-нибудь батареи для «командованія» сунгарійскимъ русломъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ и Казакевичевой эти попытки имѣли мѣсто; въ двухъ послѣднихъ даже послѣ заключенія айгунскаго договора.

По мѣрѣ приближенія къ Хингану, мѣста становились живописнѣе и общій уровень равнины сдѣлался нѣсколько выше. Особенно превосходную мѣстность занимала большая станица Екатерино-Николаевская, расположенная среди группъ дубовыхъ деревьевъ, недалеко отъ выхода Амура изъ Хинганскихъ горъ. Эта станица-красавица получила свое имя въ память Е. Н. Муравьевой, супруги генералъ-губернатора, которая сопровождала его въ одну изъ экспедицій, кажется, въ 1855 году. Вообще замѣчу, что имена большей части спутниковъ и сотрудниковъ Н. Н. Муравьева увѣковѣчены имъ на Амурѣ въ названіяхъ разныхъ селеній. Нѣкоторымъ изъ этихъ сотрудниковъ, напримѣръ, Корсакову, Казакевичу, Буссе, «посвящены» даже по два и по три селенія. Мнѣ была сдѣлана честь наименованіемъ по моей фамиліи одной станицы на Усури, довольно большой, имѣющей теперь церковь и даже школу.

Когда мы вступили въ ущелье Хингана, гдѣ оба берега Амура образованы крутыми, покрытыми лѣсомъ горами, то плаваніе наше сдѣлалось чрезвычайно труднымъ. Бичевника не было и въ помнѣ; приходилось идти на веслахъ, а рѣка тутъ отличается особою быстротою, тѣмъ большею въ данномъ случаѣ, что вода была большая, отъ дождей въ верховьяхъ рѣки. Такое путешествіе по 20—25 верстъ въ день способно было навести уныніе даже въ

присутствіи такого всегда хорошо-настроеннаго спутника, какъ А. М. Линденъ. Вдругъ, однажды на зарѣ, когда еще не вся команда проснулась, мы заслышали шумъ пароходныхъ колесъ. Линденъ немедленно началъ кричать, подавать сигналы и, къ удовольствію нашему, насъ замѣтили. Черезъ пять минутъ мы были на палубѣ парохода, а черезъ часъ, когда находившіеся уже тамъ пассажиры проснулись, мы нашли среди нихъ очень пріятныхъ спутниковъ: архимандрита Аввакума, капитанъ-лейтенанта барона Шлиппенбаха, двухъ янки, Якоби и Эше, русскаго купца Ланина и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло даже курьезъ, характеристическій для Амура. Это былъ офицеръ морскихъ инженеровъ, фамилію котораго я теперь забылъ, отличный строитель, но до такой степени поклонникъ Бахуса, что адмиралъ Казакевичъ долженъ былъ приставить къ нему боцмана, отвѣтственнаго если офицеръ напьется, и даже держать его на работахъ вдали отъ города Николаевска, день и ночь, чтобы онъ не имѣлъ возможности доставать водки. Не будемъ относиться съ укоромъ къ несчастному. Онъ не одинъ въ своемъ родѣ, и даже нынѣ нерѣдки случаи на Сахалинѣ, что офицеры спиваются, сходятъ съ ума, впадаютъ въ бѣлую горячку и т. п. отъ одиночества и монотонной жизни безъ всякаго развлеченія. Я не далѣе 1877 года читалъ въ Тифлисѣ письмо одного изъ сахалинцевъ, убѣждавшаго одного изъ бывшихъ своихъ корпусныхъ товарищей, теперь ставшаго вліятельнымъ лицомъ на Кавказѣ, «спасти» его отъ печальной участи умереть нравственно, а можетъ быть, и физически, въ сырой, холодной пустынѣ.... Петербургскіе рѣшители судебъ, засѣдающіе въ разныхъ канцеляріяхъ, всегда трезвые, изысканно-приличные, непрощающіе человѣческой природѣ ни одного недостатка, если онъ не ведетъ къ карьерѣ или фортунѣ, разумѣется, съ отвращеніемъ относятся къ такимъ «погибшимъ» людямъ, каковъ былъ нашъ инженеръ-морякъ; но въ провинціяхъ, особенно отдаленныхъ, люди болѣе гуманны. На пароходѣ называли одного благороднаго жителя Николаевска, который не отказался пожертвовать нѣсколькими стами рублей собственныхъ денегъ, чтобы дать возможность человѣку «падшему» вернуться на родину, и я бы не затруднился назвать этого жителя, если бы не зналъ, что такое оглашеніе сдѣланнаго имъ добраго дѣла будетъ ему не-

пріятно, тѣмъ болѣе, что онъ занимаетъ такой высокій постъ, что и безъ того ему приходится слышать немало похвалъ.

Не смотря на сильное теченіе рѣки, пароходъ «Амуръ» шелъ все-таки впятеро скорѣе, чѣмъ лодка, и вотъ мы скоро поравнялись съ избушкою натуралиста Радде. Этотъ почтенный дѣятель науки жилъ одиноко, съ двумя лишь казаками-охотниками, среди величавой и богатой природы Хингана, гдѣ собралъ, въ теченіе года, великолѣпную зоологическую и ботаническую коллекцію. Весною 1858 г., плывя на Усури, я посѣтилъ его и нашелъ на столько отвыкшимъ отъ удобствъ жизни, что онъ уже не могъ пить чая съ сахаромъ. Н. Н. Муравьевъ, нѣсколькими днями позднѣе, также останавливался въ его хижинѣ и потомъ шутя разсказывалъ, что «Радде такъ влюбился въ природу, что просилъ меня остаться до слѣдующаго дня, чтобы видѣть, какъ будутъ выходить изъ яичекъ личинки какого-то Scarabeus'a».... Впрочемъ, почтенный натуралистъ былъ предметомъ не однѣхъ такихъ шутокъ, безобидныхъ или даже лестныхъ для его самолюбія, какъ ученаго. Были люди, въ родѣ г-на Б., которые, съ обычнымъ грубымъ натурамъ цинизмомъ, увѣряли, что «Радде зажился въ Хинганѣ потому, что тамъ много соболей, а онъ готовитъ приданое своей невѣстѣ».

Плывя на пароходѣ, мы уже далеко невсегда могли видѣть вблизи вновь возникавшія по Амуру селенія; но во всякомъ случаѣ могли убѣдиться въ одномъ, а именно, что переселенцы не богаты. Съ трудомъ доставалъ пароходный поваръ свѣжую провизію, и нашъ столъ отличался спартанскою умѣренностью. За то мы были богаты по части напитковъ. На пароходѣ былъ грузъ Cherry-cordial, рому и хересу, и ежедневно вечеркомъ выносился на палубу ящикъ съ бутылками этихъ жидкостей, особенно первой. Баронъ Шлиппенбахъ предсѣдательствовалъ при ихъ опоражниваніи, которое, впрочемъ, не переходило за предѣлы простаго «одушевленія» путешественниковъ. Пѣли иногда пѣсни, даже духовныя, когда впадали въ умиленіе. За то архимандритъ Аввакумъ платилъ тамъ съ своей стороны любезностью, подтягивая по временамъ какому нибудь «шереметевскому псалму» (Вечеръ поздно изъ лѣсочку я коровъ гнала домой....). Дѣло отъ этихъ развлеченій не теряло, и я, напримѣръ, успѣлъ въ быт-

ность на пароходѣ перечертить на-бѣло всю мою съемку долины Усури, которой оригиналъ мнѣ хотѣлось сохранить за собою.

Въ Благовѣщенскѣ—долой съ парохода: онъ дальше не шелъ, потому что требовалъ непремѣнно 8-ми футовой глубины, а въ осеннюю малую воду Амуръ, мѣстами, между Албазиномъ и Кумарою, имѣетъ меньшую глубину... Кстати! Когда же Усть-Зейская станица обратилася въ Благовѣщенскъ? Этого я досель еще не сказалъ, и мнѣ не случалось читать о томъ гдѣ бы ни было. Превращеніе совершилось весною 1858 г., между временемъ прибытія генералъ-губернатора на Усть-Зею и временемъ отплытія его къ Айгуну, кажется—12-го мая. Оно, впрочемъ, было чисто фиктивнымъ. Устроили мачту, подняли на нее огромный флагъ, который больше походилъ на англійскій, чѣмъ на русскій, отслушали при этомъ небольшой молебенъ, который служилъ преосвященный Иннокентій, теперешній митрополитъ московскій, и Усть-Зейская станица произведена была въ городъ Благовѣщенскъ. Въ послѣдствіи для приданія городу менѣе военнаго характера перевели изъ него казаковъ на 8 верстъ вверхъ по Амуру, т. е. въ сосѣдство того мѣста, гдѣ въ 1857 г. стояли казачій постъ и генералъ-губернаторская палатка. А въ частности на мѣстѣ послѣдней усть-зейцы уже въ 1858 г. поставили небольшой памятникъ.

И такъ, многочисленному нашему пароходному обществу пришлось пересѣсть на барказъ, который тянули бичевою мои казаки и многочисленные матросы Шлиппенбаха, возвращавшіеся черезъ Сибирь на родину. Кажется, это была команда корвета «Оливуцы» или «Авроры»—не помню ужъ теперь, какого судна,—но бравая команда, которой могло бы быть нѣсколько оскорбительно послѣ океанскихъ плаваній ходить на бичевѣ. Для насъ, пассажировъ, жизнь на барказѣ была отчасти продолженіемъ пароходной, только съ меньшими удобствами и съ гораздо бо́льшими издержками. Въ теченіе одиннадцати дней мы, въ числѣ семи человѣкъ державшіе общій столъ изъ д в у х ъ блюдъ, израсходовали 287 рублей, т. е. по 41-му рублю съ человѣка, что даетъ 3 р. 75 к. въ день! Были случаи, что за барана платилось жителямъ селеній, водворенныхъ въ 1857 году, одиннадцать рублей; за два хлѣба, вѣсомъ фунтовъ въ пять каждый, за бутылку молока и десятокъ яицъ—5 руб., и т. п. Да и за эти деньги провизія доставалась съ трудомъ, по-

тому что колонисты сами не имѣли почти ничего и опасались на зиму голода. Отпускъ казеннаго хлѣба вѣдь имъ прекратился, а собственные сборы съ немногихъ обработанныхъ и засѣянныхъ весною полей едва-едва были достаточны, чтобы прокормиться до слѣдующей жатвы... Утѣшеніемъ въ этихъ экономическихъ невзгодахъ служила намъ только возможность ночью спать во всю длину тѣла на барказномъ помостѣ, а днемъ на немъ же стоять во весь ростъ. Но и барказъ скоро пришлось бросить, потому что тащить его было очень тяжело. Около Буринды мы встрѣтили сплавъ лодокъ, отобрали ихъ, распредѣлили между собою и потянулись вразбродъ. Моимъ бѣднымъ казакамъ пришлось особенно жутко. Лодчонка намъ досталась прескверная, тѣсная, такъ что пока одна смѣна шла на бичевѣ, другая должна была сидѣть, а не лежать. Дни были короткіе (октябрь), ночи холодныя; скоро по утрамъ стали появляться ледяные забереги и рѣзали ноги. Согнувшись сидѣлъ я подъ своимъ лубочнымъ навѣсомъ, дописывая отчетъ объ усурійской экспедиціи и обдумывая, когда и какъ, по сдачѣ его, доставитъ меня въ Москву желанная тройка...

14-го октября прошли мы мимо Усть-Стрѣлки: прощай, Амуръ!

26-го октября я былъ въ Иркутскѣ и, заплативъ 25 рублей писарю за перебѣлку отчета (дароваго штабнаго писца мнѣ не дали), сдалъ его.

3-го января 1859 г. я сѣлъ въ повозку: прощай, Восточная Сибирь!

А 23-го февраля 1859 г. генералъ-квартирмейстеръ, баронъ В. К. Ливенъ, ознакомившійся съ моимъ отчетомъ, объявилъ мнѣ, что я назначаюсь начальникомъ развѣдочной экспедиціи, которая по высочайшему повелѣнію посылалась на Чу, къ предѣламъ Кокана.

М. И. Венюковъ.

Женева, сентябрь 1878 г.